

Игорь Петраков
ПАМЯТЬ МЕСТА

(воспоминания о детстве и молодости)

Сначала, конечно, была мысль написать продолжение моего известного произведения - «Рассказы о детстве 2». Такое продолжение изначальной книги предполагало бы возвращение к событиям, действиям, ситуациям, имевшим место быть в славные 80-е годы прошлого, двадцатого века. Однако по размышлению (достаточно долгом) выяснилось, что основные события детства, - те, которые я помню - и поместились как раз в этой первой книге. Однако воспоминание - процесс полноводный, неостановимый (практически), и мне в голову пришла мысль о том, что какие-то детали, события прошлого могут еще воскреснуть на этом пути. Оптимизм в меня вселяла главным образом книга набоковеда Бориса Аверина «Дар Мнемозины» - в которой исследовался дар воспоминания в том виде, в котором он представлен в произведениях Владимира Набокова. В книге утверждалось, что в процессе воспоминания или припоминания у Набокова (а равно и у других современных ему писателей и философов, таких как Шестов, Бердяев, Бунин) рождается совершенно живой, неповторимый, занимательный сюжет. Акцент в повествовании делается не только на факте воспоминания как таковом, но и на самом процессе припоминания. Это, утверждает автор, - живой, творческий по сути своей процесс. В ходе него на свет Божий извлекаются из детского мира автора такие подробности и такие сюжеты, которые, казалось, навсегда затерялись в дальних закоулках памяти.

Разумеется, определенное влияние оказали на автора этих строк и труды авторов, принадлежащих Православной Церкви – и также посвященные сюжетам и темам детства. Среди них – Павел Флоренский, Пестов, Владимир Емеличев. Сюжеты и образы детских лет в этих книгах (приобретенных мной в стенах Церкви) осмыслялись с позиций Православной жизни в целом. Православие, на мой взгляд, как явление и как вера должно было стать логическим продолжением жизненного пути автора, начатого в детстве. Вот почему наряду с картинами детства в этой работе будут представлены картины омских (и одного московского) православных храмов, где находила отдохновение от тревог и забот, а также житейской суеты

душа автора.

Картины детства, описанные в этой книге, связаны в основном с пространством хорошо мне знакомого родного города – Омска. Также есть картины Полоцка, Таврического, Москвы, Чернолучья, Красноярки, Евпатории (что в Крыму) – всех тех городов и весей, в которых мне пришлось побывать во времена моего детства и молодости. И, разумеется, говоря о детских годах, нельзя будет не вспомнить моих знакомых тех лет – начиная от родителей и заканчивая дальними родственниками и друзьями. Приступая к новым рассказам о детстве, хочется выразить надежду на то, что они не оставят Вас равнодушными, возможно, где-то насмешат, где-то обрадуют, а где-то обнадежат на долгом жизненном пути, как любят говорить православные.

1. УЛИЦА ДОБРОЛЮБОВА

Самое первое, самое верное воспоминание об улице Добролюбова – это то, как мы идем с отцом по летней (или весенней) благоухающей улице, мимо техникума, прямо по территории детского сада – в гости к моим бабушке и дедушке. Кстати, немаловажное место в воспоминаниях моих занимает казавшаяся мне в детстве необыкновенно длинной улица Блусевич. По этой улице можно было проехать одну остановку на автобусе, но мы часто не дожидались попутного транспорта – а – если была подходящая погода – совершали путь от станции Привокзальной до улицы Добролюбова пешком.

Кстати, об улице Блусевич мною было написано одноименное стихотворение, опубликованное в одном из моих стихотворных сборников – «Река Тишина» или «Белый альбом». Улице Блусевич было посвящено стихотворение «Привокзальный поселок», где были такие строки –

Постоять бы опять на той улице,
Где тепло от людского дыхания.
Фонари от яркого снега шурятся
И начало берут расстояния..
И узреть вместе с птицами
Даль загадочную и синюю

С улицей Блусевич связаны и более поздние воспоминания – именно по этой улице я ходил в Православную церковь, что на улице Труда. Особенно приятно было возвращаться со службы домой. Тогда казалось, что сама природа благоволит к одинокому путнику. Чувствовалось что-то Божественное в самой природе, в самом воздухе города. Удивительно – служба заканчивалась зачастую затемно, но после нее, идя по улице Блусевич, домой я почти никаких страхов не испытывал. Я словно ощущал незримое Божественное присутствие, которое меня охраняло и оберегало. Это, конечно, по большей части иррациональное ощущение. И, боюсь, его не понять местным рационалистам и местным ученым, привыкшим все мерять своим нехитрым мерилом.

Помню, как остановился я в восхищении, перед обыкновенной березой, покрытой полностью инеем, сказочно блестящем в свете фонарей. Она мне показалась тогда живым существом, с которым, как знать, можно было бы, наверное, поговорить, поделиться мыслями, помечтать.

Приятно было также проехать по улице Блусевич на автобусе. Это стремительное путешествие длиной в одну остановку означало, что мы с отцом быстрее доберемся до дома – который располагался или на Рабочих (где ждала нас матушка) – или на Добролюбова, где жили бабушка и дедушка. В стихотворении «Улица Блусевич», между прочим, так и сказано:

Где же теперь мои бабушка с дедушкой?

В каком из иных миров?

Только чего-то лопочет соседушка,

Известный он здесь суеслов.

Итак, дом на Добролюбова. Он располагался на границе с частным сектором. Между одноэтажными домами и пятиэтажкой, где жили баба Таня и дед Паша, росли довольно-таки мощные деревья. Они едва ли не стучались в окно. Таков был пейзаж по одну сторону дома. Другая сторона хрущевки выходила во двор (впрочем, из квартиры моих бабушки и дедушки двор не был виден – она была однокомнатная), заставленный разными детскими атрибутами – качелями, каруселями, песочницами.

Под окнами, замечу, стояли скамейки, на которых летом, поздней

весной и ранней осенью отдыхали жильцы дома.

Помню освещенную солнцем лестницу и площадку второго этажа. В окно стучались зеленые ветви деревьев, в подъезде было тепло – наверное, это был конец мая или начало лета. Когда выйдешь из подъезда, сразу видишь скамейки, на которых, вероятно, сидят хорошие знакомые деды Паши и бабы Тани.

Впрочем, отношения моих бабушки и дедушки отнюдь не всегда были безоблачными. Характер дед Паша имел оригинальный, и не лез за словом в карман. А слово это было подчас и едким, и острым. Например, во время сватовства моего отца ему, деду Паше, попробовала возражать баба Таня:

- Хватит уже пить!

(а здесь надо заметить, что деда Паша не прочь был употребить вовнутрь водочку и уважал самогонку).

- Молчи, керзовая морда! – был лаконичный ответ моего деда.

Дед Паша был в нашей семье поставщиком и других афоризмов и ярких высказываний. Например, он любил повторять после бани такие слова:

- Суворов говорил: после бани штаны продай – а выпей!

Проверить, насколько истинно это высказывание (как сказали бы господа филологи) и действительно ли озвученные слова принадлежали полководцу Суворову Александру Васильевичу, не представлялось возможным.

Во времена застоя, как известно, был популярным лозунг – «Догоним и перегоним Америку!» Дед Паша относился к нему скептически и однажды выразил свое отношение так:

- Догнать – догоним, а перегнать – не получится.
- Почему же? – спрашивал заинтригованный собеседник.
- Голый зад будет видать, - мудро отвечивал дедушка.

Когда мой папа, будучи юным спортсменом, занимавшимся в секции бега, на каком-то легкоатлетическом состязании пришел к финишу последним, дед Паша разразился следующим афоризмом:

- ТЫ ЗАНЯЛ ПЕРВОЕ МЕСТО. С ЗАДУ!

Оригинальный темперамент деда Паши уравнивался нордическим спокойствием бабы Тани, про которую один из ее зятьев как-то сказал – «Редкая женщина».

Дом на улице Добролюбова и прилегающее к нему пространство были местом моих игр и игр моих друзей, среди которых выделялся мой двоюродный брат Андрей. Мы смело исследовали, например, гаражи, которые стояли с западной стороны дома. До сих пор удивляюсь тому, как никто из нас не упал с крыши гаража (а находились смельчаки, которые лазили по крышам) или не застрял в узком пространстве между гаражами. Еще одной из излюбленных игр в детстве была игра с монетками, которые надлежало перевернуть ударом камня.

После шумных игр дома нас ждал сытный ужин. Часто бабушка к моему приходу пекла пироги, или любила готовить голубцы (мясо с капустой). Помню, как пил в детстве воду прямо из-под крана (теперь это кажется фантастической самонадеянностью и беспечностью – но в ту пору, видимо, у нас, детей, отсутствовал страх заболеть какой-нибудь кишечной инфекцией из-за некипяченой воды).

Отдельное воспоминание – это наши с отцом походы по близлежащим магазинам, чаще всего, конечно, в ближний магазин от дома, на углу. Естественно, во время этих походов во мне просыпалась разговорчивость и я непременно просил купить себе что-нибудь вкусненькое. Например, пирожное, кекс или мороженое. Мама-то остерегалась мне покупать мороженое из-за боязни переохладить мое горло, что, по ее мысли, могло привести к неприятной болезни.

Тогдашние магазины (я имею в виду прежде всего магазины продуктовые) не были похожи на современные. В том смысле, что в современном магазине при входе сразу натыкаешься на стеллажи с

пивом, водкой, коньяками и винами, а также с иностранными шоколадными батончиками. Советский магазин, скажем, восьмидесятых годов, не баловал своих посетителей изобилием спиртных напитков и шоколада. В нем на первом месте стояли разные молочные продукты – кефир и молоко в треугольных пакетах или в стеклянных бутылках, которые потом надо было сдавать.

Но вернемся ко двору дома на Добролюбова. Надо сказать, что в конце восьмидесятых я увлекся фотографией. В городе Полоцке (Белоруссия) мне купили за 15 рублей легендарный фотоаппарат «Смена 8-М». Потом уже в Омске я обзавелся бачками для проявки пленки, ванночками для проявителя и закрепителя и, конечно же, большим фотоувеличителем «Ленинград», без которого печать фотографий была немислимой. И вот, надо было не только сфотографировать знакомых и близких мне людей, но и тщательно проявить пленку, а затем и напечатать фотографии под покровом вечерней темноты. Печать фотографий начиналась, как правило, около десяти часов вечера (если дело было летом), или около восьми (если все происходило в более холодное время года). Было необходимо аккуратно вставить пленку со снимками в фотоувеличитель, скардрировать кадр – то есть навести резкость, а затем отдернуть красную шторку фотоувеличителя и «засветить» фотобумагу на определенное время (как правило от 10 до 30 секунд). Затем фотобумага отправлялась в ванночку с проявителем, где проступали знакомые мне лица, после чего – в ванночку с фиксажем. В довершение всего процесса фотографии бережно раскладывались на кухне, на разостланной газете, и прижимались по краям небольшими грузиками. И радостно было мне, когда мама или папа с любопытством смотрели на творение моих рук, особенно если получились они хорошо.

Помню две сделанные мною фотографии во дворе на Добролюбова. На первой из них – дед Паша, смотрящий мечтательно куда-то вверх, и папа на фоне непрезентабельного по нынешним временам «Москвича». Другая летняя фотография – дед Паша и баба Таня, а между ними я, – фотографию делал папа. Кроме того, на фотографии уместилась соседская собака колли, которую гладил дед Паша во время ответственной съемки.

Особым временем посещения квартиры на Добролюбова был день,

когда праздновался день рождения бабы Тани. Тогда в тесной однокомнатной квартирке собирались самые близкие родственники – папа с мамой, я, моя тетка, мой двоюродный брат и мои двоюродные сестры.

День рождения отмечали за большим столом, на который водружалась различная снедь и, разумеется, выпивка (мне, по причине юного возраста, чаще всего доставался компот). Произносились поздравительные речи. Или, как говорил Набоков,

.. когда мы все вернемся,

Устроим мы такой обед..

А главное – с речами, с речами

(строчки эти привожу по памяти – по-моему, они из поэмы «Скитальцы»). Эти празднования стали в нашей семье, как сказала бы какая-нибудь корреспондентка, «доброй традицией». Не помню, продолжались ли они после того, как дед Паша ушел в иной мир (баба Таня пережила его, кажется, года на два-три).

Честно говоря, я не привык к таким торжественным обедам и во время празднования чувствовал себя неуютно – не в своей тарелке. Тем более что даром произносить задравные тосты я не обладал, да и не полагалось мне встречать со своими речами в процесс.

Еще помню, как любил я отведать в гостях у бабы Тани и деды Паши пирожки – фирменные пирожки, которые пекла моя бабушка. Конечно, они были не такими легендарными, как пирожки, которые Красная шапочка несла своей бабушке, но запомнились мне, несмотря на это, весьма и весьма прочно. Это были пирожки с мясом.. Питательность и аппетитность их до сих пор считаю я непревзойденными в своем роде. Сама же баба Таня любила отведать пирог с рыбой, который готовила моя мама. Пирог был большой – во весь противень. Между двух пластов из теста выкладывался сначала рис (отваренный), затем лук (репчатый), и в довершение всего – слой рыбных консервов «Сайра». Затем все сооружение накрывалось вторым слоем теста, в середине проделывалось отверстие, чтобы пирог «дышал», после чего кулинарное изделие отправлялось в духовку в газовой плите. Пекся пирог при температуре от 200 до 220 градусов Цельсия. Этим фирменным, если можно так сказать, пирогом моя мама угощала не только бабу Таню и деду Пашу – но и жителей Тавричанки – бабу

Тасю и Семена Прокопича (свою мать и отчима). Но, как говорится, об этом – в соответствующей главе моей книге, то есть немного позже.

2. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

«ЖД-вокзал.. как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось», - сказал бы классик. Мы же воздержимся от подобных высокопарных фраз. Железнодорожный вокзал был, по моему скромному мнению (да и как ему не быть скромным, как заметил бы Набоков), центром, из которого протягивались ниточки путешествий в моем детстве и молодости.

Сначала это были поездки в Тавричанку, к бабе Тасе, Семену Прокопичу и дяде Гене. Причем железнодорожный вокзал был только едва ли не начальной вехой путешествия. На него мы приезжали со станции Привокзальной, и оттуда отправлялись на юг Омской области – через станции «Труд», «Карбышево-1», «Карбышево-2», «Фадино» и «Новоселецк». Железнодорожная часть нашего пути завершалась на станции «Стрела», находящейся в пяти километрах от Тавричанки. Там надлежало пересесть на маленький «ПАЗик», который за какие-то десять – пятнадцать минут домчит нас до центра поселка Таврическое. А оттуда мы уже пешком дойдем до дома моей бабушки. Подробно все это путешествие в Тавричанку было описано в моих «Рассказах о детстве».

Затем пришла пора поездок в связи с моими научными (прости Господи) интересами – в Москву и Томск. И опять я заходил в старенькое здание железнодорожного вокзала, опять проходил по подземному тоннелю к поезду, который ждал своего часа, чтобы отправиться к цели моего путешествия.

Помню, как папа и мама провозжали меня в Москву. Поезд отходил из Омска чуть ли не в полночь. Наши знакомые привезли нас к железнодорожному вокзалу вовремя (на автомобиле). Не помню, из-за чего (наверное, из-за того, что приехали мы рано), я сидел минут пятнадцать в автомобиле. У меня тогда возникло странное чувство. С одной стороны, я был еще здесь, в Омске, и мирно созерцал большую стоянку, на которой находились машины, освещенную вокзальными огнями, огни небольшого уличного кафе (был теплый сентябрь), фигурки людей, поднимавшихся по широкой лестнице (наподобие той, что была в фильме «Чародеи») к зданию вокзала. С другой

стороны, я как будто был уже в другом месте (все это одновременно), в пути, в вагоне поезда, увозившего меня в столицу нашей Родины. Поистине, странное это место – железнодорожный вокзал. Есть в этом пространстве какая-то загадочность, какая-то тайна.

Помню, как прошли мы с мамой и папой по подземному тоннелю, как поднялись по лестнице на перрон. И еще картина, которая как бы навсегда врезалась в мой мозг – поезд трогается, а мама и папа стоят на перроне и машут мне руками. Перрон был уже ночной, затемненный, редкие огни освещали его, но картина получилась запоминающаяся. Сейчас я понимаю, что вернуть это трогательное мгновение в настоящее, заставить его вновь, как говорил один автор, «обрасти плотью», наверное, невозможно. А жаль, или, как сказала бы одна проворная аспирантка, «осень жаль».

Москва тогда мне представлялась совершенно иным, незнакомым, живущим по своим законам, миром. И действительно, в отличие от Омска, она напомнила мне пчелиный улей, где собрались граждане самых разных городов и весей. Мир Москвы был разнообразен, пестр, говорлив, тороплив. Но я выдержал тогда соприкосновение с ним – потому что был молод, любопытен и хотел чего-то добиться в жизни.

Москва так и не стала мне второй Родиной. На Родину я возвращался как раз сюда – в Омск, где жизнь была более тиха, размеренна, спокойна, предсказуема.

Помню также тот момент, когда я садился на поезд, отправляющийся в Томск. Тогда я отправлялся на конференцию по русской литературе, проходившей в Томском государственном педагогическом университете (о студентах которого, как говорится, если нечего сказать, то лучше промолчать. «Так говорила бабушка Шамуэй. Со мной она почему-то все чаще молчала. Это была очень мудрая бабушка. Она постоянно твердила, что наша планета взорвется. Она и сама бы спаслась, не запри мы ее» («Альф»)).

И опять поездка в Томск началась осенью, правда, это был не конец сентября, а начало ноября (температура держалась на отметке около нуля). И опять начиналась она поздним вечером. Правда, на этот раз никто провожать меня не стал, и пришлось мне садиться в поезд самостоятельно.

Помню, как возвращался из Томска – на тот же железнодорожный вокзал. Напрасно я ждал, что меня кто-нибудь встретит – родители предпочли остаться дома. Я прошел через весь Привокзальный

поселок – затем, чтобы отец увидел меня в окне и порадовал маму. Та лишь в ответ заметила, что хорошо то, что я вернулся из Томска живой.

И действительно, жизнь в Томске, мягко говоря, была сопряжена с риском для существования. Но об этом в соответствующей главе.

И вот еще чем запомнился мне омский железнодорожный вокзал – большим пешеходным мостом, раскинувшимся над железнодорожными путями. По этому мосту проходил я с отцом и матерью, когда направлялся в годы детства в Привокзальный поселок, к бабе Тане и деду Паше. Тогда мост казался большим, огромным, величественным. Спускаясь по лестнице, я смотрел в щели между дощатыми ступеньками и испытывал нечто вроде первобытного страха перед высотой (и до сих пор побаиваюсь высоты).

Переход через мост был преисполнен поэзии, романтики – в те детские годы. Под мостом как некие караваны толкались на путях вагоны, и бодрые локомотивы везли их то на север (к востоку – по Западно-Сибирской железной дороге), то на юг (в западном направлении по все той же дороге). Картина получалась яркая и запоминающаяся.

Затем я проходил по этому мосту (всего-то их было два) в годы молодости, когда направлялся в церковь на улице Труда. Вспоминая то время, удивляюсь, как у меня хватало выдержки и терпения совершать (порой зимой, в холод) этот путь к церкви (или, как сказали бы некоторые новообращенные, к храму). В церкви на улице Труда я находил необходимое мне место для молитвы. Посещая службы Православной Церкви, проникался их атмосферой. Там же я молил Бога о здоровье. И молитвы были услышаны – Господь сделал то, что не смогла сделать официальная медицина (помните, как в одном из советских фильмов персонаж по имени Аполлон Митрофанович восклицал – «А я шчас сделаю, сделаю то, что не смогла сделать товарищ Шамаханская!» - «Аполлон Митрофанович, вы забываетесь» - «Нет, я чувствую, что вопреки своей природной скромности должен сейчас оказаться НА КОНЕ в этом здании!»).

Нынче мост усовершенствовался, оброс стенами, но если мне случится пройти по нему снова, я непременно вспомню мое детство и молодость. И вид с моста на старую Привокзальную площадь, на памятник Ленину, на стоянку машин и троллейбусов, оживит в памяти прежние ощущения и впечатления.

3. СТАНЦИЯ ПРИВОКЗАЛЬНАЯ

История моего знакомства с этой станцией начинается с годов моего детства. Именно отсюда мы с родителями уезжали в Тавричанку или на дачу в Сыропятку. Не зря станция и дорога на нее была описана мной еще в возрасте 11 лет в моем очерке «Жизнь поселка» (посвященном поселку Таврическому). Мимо станции ходил я и в гости к упомянутым уже в этой книге деду Паше и бабе Тане в Привокзальный поселок.

Помню, как уезжали мы с мамой с этой станции в Кормиловский район Омской области, где я надеялся поработать немного учителем русского языка и литературы (по специальности). Удивляюсь терпению моей мамы, которая сопровождала меня в этой поездке, - сначала в электричке, а потом в автобусе, следовавшем от Кормиловки в направлении забытой Создателем деревни, где по прибытии в школу я наткнулся не на самый радушный прием (например, меня спросили, умею ли я играть на народных музыкальных инструментах – как сказал по этому поводу Сережа Ярковой, наверное, с тем, чтобы я мог показать это свое мастерство на паперти).

Удивительно, но эта поездка в Кормиловский район (не самое прекрасное местечко на территории Омской области) теперь освещена для меня спокойным тихим светом – наверное, потому, что рядом со мной тогда была мама – мой первый друг на жизненном пути.

Кроме того, поездка принесла даже пользу (хотя в школу меня так и не взяли – вернее, я отказался от такой заманчивой перспективы сам) – в доме наших знакомых я узрел книгу моего научного руководителя по пединституту (к тому времени уже покойного) Эдмунда Генриховича Шика «В холодной Сибири не так уж холодно». Наши знакомые оказались добросердечными людьми и подарили мне эту книгу – как говорила Сова в мультике про Вини-Пуха, безвозмездно, то есть даром.

А какой радостью было увидеть станцию Привокзальную в тот момент, когда мы семьей (мама, папа и я) возвращались с дачного участка в Сыропятке. Сначала в окно электрички были видны высотные дома, полупустынная дорога, обсаженная деревьями (кажется, Хабаровская улица – параллельная железной дороге), затем поезд замедлял ход – и появлялись знакомые очертания станции. Это

значило, что очередной этап путешествия подходил к своему завершению, и теперь можно будет спокойно сойти с электрички и направиться к нашему дому, где нас ждал заслуженный трудовой ужин.

Здесь нужно отметить, что уставали мы в Сыропятке не только от работы на огородных и садовых плантациях, но и от пешего пути до станции – сначала это был час пути (5 километров), а затем 20 минут (что тоже было немало). Представьте только – вы поработали усердно на даче, и теперь Вам предстоит путь – хотя бы в двадцать минут – до станции. Неудивительно, что некоторые не выдерживали такой нагрузки – и бросали свои дачные участки как горячие картофелины (как говорил Альф, «Пожалуй, женюсь на Линн. А потом брошу ее как горячую картофелину!») (см. мою работу «Альф: семейные истории Таннеров»)).

Называлось все это «Садоводческое товарищество «Дубрава»». Сначала с электрички шли целые толпы дачевладельцев, рвущихся поработать на своих участках. Со временем желающих окунуться в дачную действительность становилось все меньше и меньше.

Помню, как мы вместе с папой и мамой строили на своем участке сарай, как я собственноручно настилал в нем пол. Помню, как высаживали ранетки для сада, как я его огораживал маленьким заборчиком. Как тягали ведра с водой из специально вырытого на даче колодца. Как приезжал к нам на дачу дядя Гена (брат матери) и загорал у того же колодца. Как мы возили на дачу нашего кота Глебыча (названного в честь А.Г.Невзорова) и как он прятался в траншее, дрожа от звука приближающегося автомобиля. Как слушали миниатюрный радиоприемник во время отдыха (после обеда). А поначалу – просто обедали, сидя на бревне, поедая вареные яйца, привезенные с собою из дома и запивая их горячим чаем из термоса.

Также помню, как ходил на рыбалку на озеро – котлован, расположенное к северу от наших аллей с дачами. Правда, поймал я там что-либо или нет, об этом, как говорится, история умалчивает. Пару раз в этих походах меня сопровождал терпеливый отец, который всегда скептически наблюдал за тем, как я пытаюсь выловить из котлована какое-то подобие рыбешки.

Удивительно, с каким энтузиазмом мы выкапывали картошку на этом нашем дачном участке. Совместная дружная работа придавала, казалось, все новых и новых сил. А картошки в ту пору мы сажали

немало! Значительная часть участка из десяти соток была занята ею. Здесь нужно вспомнить и те минуты отдыха, когда мы, пришедши на перрон, на остановочный пункт железной дороги, ждали электричку. Здесь папа говорил со своими знакомыми с завода, которые тоже получили участки в «Дубраве». И что примечательно, они не оскорбляли меня последними словами, были вежливы, относились к отцу и ко мне с уважением. Где теперь можно встретить такое отношение к себе, остается только догадываться.

Недалеке тонкой полосой росли деревья и кустарники, ограждавшие дачный массив от железной дороги. Мы любили с мамой сидеть в их тени в ожидании электрички. Здесь же можно было подкрепиться, перекусить.

Ряд воспоминаний связан непосредственно со станцией Привокзальной – они касаются наших поездок в Тавричанку. Как правило, это были долгожданные и желанные поездки. Я радовался от предвкушения встречи с бабой Тасей, дядей Геной и маминым отчимом, и, разумеется, ждал встречи с верным Тузиком – собакой, которая охраняла дом и сидела на привязи у конуры – неподалеку от его входа. Замечу, что мама всегда поражалась тому, как я был привязан к Тузику, как гладил его при встрече (а Тузик лизал мне руки).

Теперь здание Привокзальной – современное, оснащенное всякими техническими достижениями цивилизации. Здесь есть касса, где можно приобрести билеты как до станции Омск – пассажирский, так и до более далеких станций. Несмотря на это, всякий раз, когда я посещаю станцию или прохожу мимо нее, в моей душе воскресают воспоминания о наших поездках с родителями на электричках – в Тавричанку, Сыропятку, Кормиловку..

4. ОСТАШКОВО

Замечу, что дачу в Осташково мы купили в 2001 году. Пришлось занимать деньги у родственников, чтобы приобрести приглянувшийся нам участок. Не скажу, чтобы мы сильно пожалели об этом – с даче в Осташково у нас связано немало теплых воспоминаний. Это воспоминания о теплых утрах, днях и вечерах, проведенных, как любят говорить наши эстрадные певцы, «наедине с природой».

Когда мы купили дачу, моему взгляду предстал невзрачный сарай без пола и домик обыкновенный дачный, который, впрочем, домиком можно было назвать с большой натяжкой. Внутри него валялся строительный мусор, второго этажа не было, а на первом не было пола и были лишь одни голые кирпичные стены.

Сейчас трудно в это поверить, но мы с отцом создали из этого недостроя полноценную летнюю дачу. Вынесли скопившийся за время строительства мусор. Настелили деревянный пол. Затем обшили стены гипсокартоном. Покрасили окна. Провели электропроводку. Наняли печника, который сложил придуманную мною печку (перед этим я изучил книги по кладке печей и создал собственный проект печи – по рядам, по кирпичикам вырисовывал, как надлежит ее класть). Замечу, что печка эта служила нам верой и правдой около пятнадцати лет.

Затем пришел черед второго этажа. Мы настелили перекрытия. Обшили верх гипсокартонном. Провели также электричество. Наклеили, так же, как и на первом этаже, обои (причем если для первого этажа пошли обои старые, привезенные нами еще из Белоруссии, то на второй этаж, где должна была располагаться моя комната, я выбирал обои сам, придирчиво рассматривая их на ярмарке «Панорама-центр» (безопасной в те доковидные времена)). Установили телевизионную антенну (папа провел ее еще и на первый этаж), привезли телевизоры – маленький, «Рубин», для первого этажа и большой для второго.

Дом у нас получился уютным, хорошим, теплым. Именно в этом доме я погожими летними деньками, пока мама и папа трудились в саду и в огороде, писал свой «знаменитый и легендарный» «Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар»». Впрочем, уделял ему я не более, чем полтора часа в день, после чего снова бежал помогать родителям ухаживать за посадками.

Помню, что порой мы приезжали (особенно в теплейшие летние дни) на дачу на пять – шесть дней, и отец только раз в два-три дня навещался в город, чтобы пополнить запасы продовольствия, хранящиеся в приобретенном нами по случаю холодильнике.

Отдельной эпопеей стало строительство отцом бани. Он приобрел на базаре сруб, привез его в Осташково, и сложил баню буквально «с нуля». Где-то раздобыл печь для бани. Обшил деревом парную и предбанник. Затем еще пристроил второй предбанник, где хранились разные полезные в хозяйстве вещи. Сосед с рядом расположенного

участка, Анатолий Иванович, ходил в это время к нам в гости со своей внучкой (которая выросла теперь) и давал полезные советы по строительству бани. Нельзя сказать, чтобы они уж слишком нам помогли, скорее папа построил баню вопреки им.

Также папа пристроил к дому веранду. Приложив при этом поистине героические усилия (помните, как говаривал герой Григория Горина – «Я каждое утро к 9 часам хожу на работу. Это, конечно, не подвиг, но что-то героическое в этом есть»).

Кроме того, было необходимо провести летний водопровод. Воду в садоводческом товариществе давали два раза в неделю – и вот необходимо было поливать наши растения из шланга. Это мы с удовольствием и подельвали, приобретя новейший шланг (был, впрочем, и старый). Особенно любила поливать растения мама. Ну и я тоже от нее не отставал.

Дневное и утреннее время на садовом участке было посвящено уходу за растениями. У нас росли яблоня, пять или шесть ранеток (Уральское наливное и Триумф), две плантации земляники, красная и черная смородина, ирга, розы, малина, две большие ели, и в огороде – огурцы, помидоры, редиска, укроп, морковь, картофель, чеснок. Все они требовали должного ухода. Уход заключался, во-первых, в своевременной посадке и поливе, затем – в уничтожении сорняков, рыхлении, а иногда – и в удобрении. Боролись мы и с садовыми вредителями, которые облюбовывали почему-то больше всего черную смородину.

Помню, однажды у меня заболел живот – и я не спал всю ночь (а может, это было от холода – дело было в холодном августе). Наутро я появился перед мамой, которая, как сейчас помню, занималась прореживанием земляники – и потребовал к себе внимания. Мама утешила меня и пообещала свозить меня в самое ближайшее время в медицинскую клинику. Замечу, что она и сопровождала меня в поездке в эту клинику, присутствовала на приеме у врача, а затем – тщательно следила за тем, чтобы я своевременно принимал назначенные гастроэнтерологом таблетки. Вообще, эпопея с моим животом и посещениями клиники вышла большая, и она еще ждет своего исследователя (как любят говорить филологи).

Вспоминаю прохладные вечера в конце лета, когда мы топили на садовом участке баню. Обычно растопкой бани занимался мой отец. Он доводил температуру в парилке до нужной кондиции, после чего

вызывал меня в баню. Мама снаряжала меня в этот путь, снабжая чистой одеждой, в которую я мог бы переодеться уже после банных процедур.

Затем я разоблачался в предбаннике, критически осматривая себя в висевшее тут же безпристрастное зеркало. Надо сказать, в те времена, которых касается мой рассказ, я был несколько толстоват – и созерцание отражения в зеркале меня отнюдь не удовлетворяло. После краткого осмотра себя в зеркале я направлялся в парилку. Там я сидел несколько минут, привыкая к повышенной температуре в бане и ожидая отца. Отец приходил – и начинал меня слегка хлестать веником. Изредка он плескал горячую воду на камни – и та с шипением, распространяя пар, растворялась в воздухе.

В бане было жарко – и, признаюсь честно, банные и помывочные процедуры были испытанием для меня. Зато потом, окончив их и одевшись в тесном предбаннике, было настоящим отдохновением для тела и души выйти в прохладный второй предбанник и вдохнуть полной грудью аромат дачного сада.

На небе загорались первые звезды (их можно было видеть, если погода стояла ясная), светила луна, на душе было тихо и спокойно. Теперь предстояло выйти из предбанника и проделать путь в два с лишним десятка метров до дачного дома. В доме меня уже ждала мама вместе с приготовленной кружкой горячего чая. Безусловно, эти мгновения относятся к самым ярким воспоминаниям о моей жизни в Осташково.

Помню один из подобных эпизодов в две тысячи семнадцатом году. После бани я пришел домой и вместе с мамой мы слушали репортаж о футбольном матче с Кубка конфедераций по футболу. Благословенные были времена!

Обычно я редко занимался на даче писанием книг, сидючи за компьютером. Приходилось все больше помогать родителям в повседневных заботах по уходу за растениями.

То необходимо было окучить картофель, то тяпкой покосить траву, выросшую и разросшуюся необыкновенно (трава казалась в ту пору едва ли не подлинным бедствием) на южной стороне участка, то проредить заросли земляники, то полить грядки, кустарники и деревья. Мама моя боролась с травой самоотверженно. Сидя на маленькой скамеечке, она собственноручно пропалывала грядки – с луком, редиской, морковью, чесноком, огурцами. Росли у нас и

помидоры – они требовали особого графика полива.

Папа больше любил заняться стройкой. То он проводил в баню и туалет электричество, то мастерил веранду, то делал теннисный стол, чтобы мы могли играть на даче в настольный теннис. Кстати, в настольный теннис играли не только хозяева дачи – мы, но и наши гости – из Омска и даже из Саратовской области.

На ум приходит еще один эпизод две тысячи семнадцатого года – мы дружно, втроем, клеим обои и потолочную плитку в моей комнате на втором этаже дачного домика. Ничто так не объединяет людей, как совместный труд ради общей пользы, как сказали бы герои мультфильма про Простоквашино! Папа так увлекся клейкой потолочной плиткой в ту пору, что даже упал на пол с табуретки. К счастью, обошлось без травм. Эта дружная работа, этот совместный порыв – душевный и физический – запомнились мне как пример единения нашей семьи, совместной заботы о будущем, которое казалось тогда безоблачным.

Иногда с утра мы ходили с отцом на рыбалку в старицу, расположенную по направлению на восток от нашего дачного участка. Однажды мне удалось увлечь с собою даже мать, и та бродила вместе со мной по возвышенностям – холмам, расположенным рядом с довольно-таки крутым берегом водоема, боясь подвернуть ногу или сверзиться вниз, прямо в воду.

Увлечение рыбной ловлей было свойственно мне еще с детства (ловил я рыбу в поселке Таврическом – но об этом в соответствующей главе этой книги). В вот в годы молодости я решил воскресить эту «одну, но пламенную страсть». Походы наши с отцом (и дядей Пашей) на водоем сопровождались переменным успехом. То мы вылавливали по двадцать карасиков, и были в эту пору довольны своим уловом и отлично проведенным днем. То рыба категорически отказывалась клевать, - а это случалось чаще всего почему-то в то время, когда я ходил на рыбалку один – и приходилось мне возвращаться в дом несолоно хлебавши. Как писал Владимир Солоухин, рыбалка чаще всего чревата острым разочарованием. Поэтому неизвестно, что принесет большую радость – сама рыбалка или процесс подготовки к ней.

Подготовка к рыбалке – процесс довольно стандартный. Нужно накануне дня вылазки накопать червей, приготовить удочки и мешки для рыбы (побольше, побольше!). И хорошенько поспать, чтобы на

самой рыбалке не клевать носом.

Обычно мне приходилось поднимать папу утром для похода на рыбалку с превеликим трудом. Ну, не разделял он мой охотничий азарт и энтузиазм почему-то. Мама вообще относилась к рыбалке скептически и говорила, что предпочитает есть рыбу из консервных банок.

Наконец наступал долгожданный миг – мы с отцом выходили на аллею, навстречу всходящему на востоке солнцу. Домики на аллее в это рассветное время напоминали мне строения, описанные в стихотворении все того же Владимира Набокова – «Все будет то же... Увижу я людей, знакомых мне.. и цепь домов, лимонных, бурых, серых.. и кирку будто паровоз, и циферблат на ратуше». За точность цитаты, впрочем, не ручаюсь. Папа дорогой, как правило, ворчал – но и это ворчание не могло омрачить мою радость от предвкушения первой поклевки.

Наблюдая за этой картиной с высоты сегодняшнего дня, поражаюсь моему тогдашнему энтузиазму, моему желанию, моему стремлению идти навстречу рыболовным приключениям. Очевидно, все это объясняется произраставшей во мне энергией, свойственной молодости.

Кроме рыбалки, мы дружно ходили по грибы. Однако - потому, что перелески около дачного массива были исхожены вдоль и поперек – нам, как правило, не приходилось возвращаться домой с богатой добычей.

Отдельная тема – дорога в Осташково, которую мы преодолевали на автобусах. Тема автобусного сообщения Осташково с Омском – болезненная для любого дачника (не знаю, как теперь, а года три назад дело обстояло именно так). Утром автобусы, идущие из Омска в Осташково, набиваются под завязку. Вечером такая же картина наблюдается в автобусах, следующих из Осташково в Омск. Мы с родителями, чтобы не давиться в автобусах, придумали следующую хитрость – уезжали из Омска днем, часа в два-три, когда желающих ехать было поменьше. Ночевали в Осташково несколько дней. А возвращались в Омск уже утром, когда автобусы ехали из Осташково в город полупустыми. Вообще же, надо сказать, что более всего наполняются автобусы, идущие с 9 до 10 утра из Омска в Осташково и с 18 до 20 часов вечера из Осташково в Омск. Это и понятно – народ утром едет на дачи, а вечером возвращается домой. И перестроить его

на другой график поездок практически нереально.

По пути с дачи на остановку автобуса мы всегда делали передышку – останавливались отдохнуть около перелеска, рядом с березами. Это было тихое, уютное место как раз за поворотом дороги. Здесь мы ставили наши сумки на землю и стояли около двух минут. Это было, как сказал бы дядя Слава, «намоленное место». Как сейчас помню – ясный солнечный день, на небе кучевые облака, безветренно, а мы стоим безмятежно на этом защищенном от невзгод месте и отдыхаем – с мамой и отцом.

Этой замечательной поре моей жизни, дачным делам и заботам, атмосфере дачи в Осташково я посвятил стихотворение «Домик на Южной аллее» из сборника «Брызги» и еще несколько стихотворений из сборника «Река Тишина», написанного в 2019 году.

5. УЛИЦА ПАРТИЗАНСКАЯ

Именно на улице Партизанской, во втором корпусе Омского государственного педагогического университета прошло немало незабываемых дней моей молодости. Речь идет, разумеется, об учебе на филологическом факультете названного учебного заведения.

Несмотря на то, что я закончил филфак с красным дипломом, не все в моей филологической жизни шло легко и гладко. Чего стоит один экзамен по введению в языкознание и проверка транскрипции! А чего стоит экзамен по Русской литературе у Александра Эммануильча Еремеева, когда мне достался, среди прочего, вопрос по единственной книге, которая была пропущена в моем списке литературы!

Будням и праздникам филологической жизни было посвящено мое юмористическое и в чем-то ироническое эссе «Трое в одной группе и С.Муся». Его Вы можете прочитать на моей странице в журнале «Самиздат». Позволю здесь повторить некоторые его сюжеты, которые будут стыковаться с воспоминаниями, не задействованными в названном сочинении.

Нужно заметить, что не все время мы проводили в стенах второго корпуса. Мы ездили и на картошку, и учились в корпусе ОмГПУ на Романенко, где изучали валеологию. Там нам встретились колоритные преподаватели, о которых я написал такие загадки:

Погружен всегда в заботы

Главхирург, профессор Готов.

Любит шутки в медицине
Дяденька-доцент Мордвинов.

Всем является в кошмарах
Инфекционист Макаров.

Кроме того, инфекционист Макаров (который был одновременно и талантливым поэтом, публиковавшимся в омской прессе) послужил прототипом персонажа из написанного мною в соавторстве с Алексеем Липиным сериала «Дальше некуда» - доктора Макаро. Сам сериал мы писали на скучных лекциях в стенах того же второго корпуса ОмГПУ, а иногда и на практических занятиях по старославянскому языку (что было, как минимум, рискованно). Действие сериала разворачивалось в Японии, где орудовали братья-близнецы Оум и Сенрикен, а также контролер-общественник КО-КО Четвертый, в небе – в самолете, летевшем в Киото, где промышлял контролер-самолетчик Сим-Сим 12-ый, а также в Тринидаде-и-Тобаго, где жил вышеназванный инфекционист Макаро, девушка Имама (туристка из Якутии, потерявшая паспорт и обратный билет) и еще ряд замечательных персонажей.

Но вернемся к двум или трем неделям, проведенным за занятиями валеологией. Нам обучали азам и премудростям медицинской помощи населению, и заодно рассказывали о течении разных болезней. Я пребывал под таким впечатлением от этих рассказов, что заболел сам – желудком. Девушки наши и ребята оказались в массе своей куда более стойкими.

Еще одна сторона нашей жизни на филфаке – наши творческие постановки, которые мы предпринимали на различных КВН-ах, «Медианах» и на посвящениях в студенты. Их вы можете обнаружить на том же «Самиздате» под названием «Сценарии». Особенно запомнилась самая первая постановка, посвященная школе – на первом посвящении в студенты, где мы дружно, под руководством В.М.Физикова, давали студенческую клятву (содержание которой уже подзабылось).

Постановка эта была длинная, по большей части скучная, но с претензиями на юмор. Кроме того, постановку украсили три-четыре

песни, которые студентки и студенты 13 группы самоотверженно выучили (а написал их Ваш покорный слуга). Запомнилась одна из них:

Четвертые сутки горит наша школа,
Объяты пожаром все три этажа.
Подайте брандспойты, директор Маньола,
Учитель Хосинто, ну где же вода?

(полный текст песни смотри .. нет, не в ПСС В.И.Ленина, а в моих «Сценариях»).

Затем последовала (в 1995 году) постановка «Филфак третьего тысячелетия», где мы со свойственной нам скромностью попытались дать прогноз – как мы будем жить через пять лет. Прогноз давали Добрый и Недобрый фей. Причем Недобрый напоминал своим поведением В.В.Жириновского (выливал стакан воды в лицо Доброму фею). Веселое было время!

Продолжились наши выступления на Посвящениях в студенты на третьем курсе, когда мы презентовали для зрителей концептуальное полотно под названием «НА ДНЕ, или МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ. Пьеса из жизни студентов». Для большего эффекта мы переделали знаменитый сюжет фильма Станислава Говорухина – а точнее, тот поворот сюжета, когда Володя Шарاپов попадал в гости в банду «Черная кошка». Вместо членов банды у нас были сотрудники и студенты .. филологического факультета. Они, впрочем, не излучали доброту, а чем-то неуловимо походили на отрицательных персонажей фильма. Подобный сюжетный ход использовала когда-то команда КВН «Одесские джентльмены». Место Глеба Жеглова – беспощадного борца за правое дело – у нас занимал профессор Еремеев, которого играл Валерий Пономаренко. Характерен такой эпизод сценария:

- Это кто там гавкает?

- С тобой, собака, не гавкает, а разговаривает профессор Еремеев. Слышал о таком?

- А своего аспиранта нам отдашь на съедение?

- А пусть он сам за себя похлопочет, а я послушаю.. (пауза) Дырку от бублика вы получите, а не Гену Косякова! Он давно уже тю-тю!

Невозможно забыть и КВН по исторической грамматике, организованный стараниями нашего преподавателя – Натальи Николаевны Щербаковой. Помимо решения заданий, наша группа выступила на означенном КВН-е с двумя примечательными постановками.

Первая называлась «Песнь о вурдалаках, или Красная шапочка». Она представляла собой образец трудных повестий о жизни Красной шапочки на старославянский лад. Приключения Красной шапочки излагались таким былинным сказом:

А как жили вурдалаки во темном во лесу,
А как пили вурдалаки народну кровушку.
Собралася туды Красна Шапочка,
Собралася туды распригожая..

В роли Красной шапочки дебютировал заслуженный артист 33 группы, исполнитель роли Володи Шарапова в предыдущей постановке – Алексей Липин. В роли вещего баяна и рассказчика – Валерий Пономаренко. В роли матери Красной шапочки – автор этих строк. Костюмы вурдалаков примерили на себя Ира Телушкина и Лена Казакова. В общем постановка получилась авангардная, в стиле «Виктюку и не снилось». В финале постановке напряжение достигало апогея – Красная шапочка встречалась с Серым волком в доме бабушки –

А в полатах она увидела
Возлежащего волка лютого,
Но по юной своей близорукости
Приняла его за свою бабушку.

И глаголюше – «Мила бабушка,
Что же глазки твои так расшились?»
«Чтоб узрела я лепоту твою,
Лепоту твою распригожую».

В конце постановки на Красную шапочку набрасывалась и съедали ее вурдалаки во главе с Серым волком. Вот такой «жизнеутверждающий» финал был у нашей драматической постановки.

Вторая постановка, увидевшая свет на КВНе по исторической грамматике, называлась «911. Телефон спасения». Она рассказывала о приключениях князей Игоря и Олега в древнерусские времена. Героев постановки представляла незабвенная староста нашей группы Лариса Репях (в стиле представлений героев из мультфильма «Остров сокровищ» или из «Семнадцати мгновений весны»). Также в постановке принимали участие Наташа Козлова, Алексей Липин, Валерий Пономаренко и Ваш покорный слуга в пальто Ирины Телушкиной (а пальто это еще всплывет в конце анекдота, как говорил Альф), которая и сама также приняла участие в шоу.

Игорь (Валерий Пономаренко) был представлен как «налоговый инспектор, по совместительству – Князь» и запомнился как автор сентенции:

- Дело в том, что я – налоговый инспектор, и мне необходимо, чтобы мое дыхание было свежим. Вот почему перед каждой процедурой взимания дани – я употребляю головку чеснока.

Ваш покорный слуга выступил в роли коня Олега. Я появлялся после реплики Ларисы Репях (смотри кстати посвященные ей сказки – «Лариса в стране чудес», «Лариса в зазеркалье» и «Лариса в стране сказок»):

- Рассказывает конь Олега.

И повествовал:

- А я вообще тут не при чем. Лежу я, значит, как обычно в чистом поле, никого не трогаю. Змейки по мне бегают..

И, разумеется, сценарий просто не мог обойтись без звонка коня Олега в службу спасения и такого диалога с Ирой Телушкиной:

- Кто говорит?

- Кто-кто, конь в пальто! (тут и всплывает пальто Телушкиной, в котором я появлялся перед публикой).

Постановка имела ошеломляющий успех. Актеры купались в овациях. Любопытно, что попытка повторить этот успех и осуществить постановку позже, на посвящении в студенты, с треском провалилась. Публика оживилась только на реплике про «коня в пальто».

В награду участники постановки были отмечены поощрением – с них была снята обязанность отвечать часть экзамена по исторической грамматике. И это было прекрасно!

Студенты 33 группы не успокаивались на достигнутом и устроили (по инициативе В.М..Физикова) праздник «Медианы» - отмечая экватор

или половину пройденного ими студенческого пути. Во время «Медианы» было осуществлено несколько постановок (одна другой краше), не все из которых сохранились в письменном виде. Хорошо, что до наших дней дошла легендарная программа «Некоторые любят погорячее, или На филфаке только девушки», где Валерий Пономаренко и Алексей Липин отличились тем, что сыграли юных студенток филфака (вернее, самих себя в образе студенток). Полный текст постановки можно прочитать в «Сценариях» (которые я продолжаю настойчиво рекламировать).

Модификацию этого выступления увидела более широкая аудитория уже во время нашей учебы на 4 курсе – во время выступления в КДЦ «Академия», расположенного рядом с первым корпусом ОмГПУ. Тогда-то и прозвучала незабываемая песня, сочиненная мною, - «Женское счастье», сопровождаемая танцем декана филфака и Валерия Пономаренко в образе студентки.

Женское счастье –
Был бы Вадик рядом,
Ну а больше ничего
Не надо.
Женское счастье..

Также постановка запомнилась откровенными воспоминаниями Алексея Липина о его якобы съемках в триллере «Му-Му» «по мотивам русской классики», во время коих он сулил расправу Герасиму (мне), которого называл «лодочником».

К слову сказать, именно в «Академии» проходило празднование получения нами дипломов и окончания университета в 1999 году. Запомнились и неповторимая атмосфера праздника, и вкусная еда, и танцы.. В общем, думаю, что пришедшие не пожалели. Особую прелесть празднику тогда придало присутствие на нем наших любимых преподавателей филфака – Физикова и Щербаковой.

Можно вспомнить и наше выступление на встрече выпускников, когда объединились для постановки лучшие силы интеллектуалов и актеров 42 и 43 группы – постановку по мотивам пушкинской сказки – которая называлась «Новая сказка о царевне, находчивом декане и о его военной тайне». В постановке принимали участие Алексей Липин, Валерий Пономаренко, автор этих строк, Ольга Лысенкова и, кажется,

Юля Мандрыкина (известная ныне как «тамада» и радушная хозяйка «Веселой семейки»).

В начале постановки современность самым наглым образом сплеталась со сказочным прошлым:

В той столице проживал
Декан одного факультета,
На том факультете учились студенты,
У них было много различных бредовых идей..
Туда поступала гражданка царевна –
Не помню как отчество ей.

Песню исполнял Алексей Липин в образе декана филфака, играющего на шарманке свою фирменную песнь про Анну Каренину и ее малютку сынка. Далее в дело вступал пушкинский сюжет – Царевна отправлялась в мир иной («И к обедне.. умерла!»), царь приказывал ее оживить, и тут появлялся сначала декан филфака, а потом и студент Иван.

Отправился декан пьянствовать с горя,
Вдруг видит – месяц висит над землею.
Говорит ему навзрыд:
- Ах ты, дурень-инвалид,
У тебя мозгов как в пне.
Отыщи лингвистку мне!

Месяц лениво отвечал:

- Не-а.

Тогда декан пробовал зайти с другой стороны:

- Слушай месяц, есть базар,
Отыщи мне цацу эту, и получишь самовар
Пива здешнего – «РОСАР».

Месяц отсылал декана к ректору.

- Ректор, ректор, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч
Словесов твоих туманных,
Будто бы от Бога данных..
Аль откажешь мне в ответе,
Не видал ли где на свете
Ты лингвистики молодой?
Я декан ее..

- Постой..

Дальнейшие приключения декана филфака и студента Ивана заканчивались обнаружением Царевны. Правда, автор сказки, склонный к суровому реализму, так и не осмелился оживить Царевну поцелуем. Очень жаль, или «осень жаль», как говорила одна аспирантка!

Современное прочтение сказки о мертвой Царевне не очень понравилось учительницам – выпускницам филфака. Видимо, они критично отнеслись к этому явлению постмодерна. Впрочем, на самооценку авторов этого произведения сей факт не сильно повлиял.

Осталось упомянуть еще один сценарий, поставленный мной уже после окончания учебы на филфаке и в аспирантуре – «В синем море, белой пене» - сценарий КВН-овского приветствия, написанный для команды преподавателей филологического факультета ОмГПУ, которая называлась «Дети капитана Врунгеля».

В ходе постановки этого шоу на сцене появлялся автор этих строк, которого преподаватели заставляли писать им сценарий, угрожая самыми замысловатыми предметами. Исполнялась песня «Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем», а также песня про гандбол из репертуара группы «Сплин» (культовой в рядах отдельных филологов 52 группы). В роли Жанки и Светки из команды «Парма» (Пермь) на сцене появлялись преподавательницы Щербакова и Шуйская.

- Наталья Николаевна, а нас Жанка со Светкой не побьют?

- Победителей не бьют.

Наши героини называли себя победителями потому, что в 2004 году омский «Авангард» выиграл золото чемпионата России по хоккею. В

песне про гандбол, завершающей приветствие, так и говорилось:

На разминке разогрейте суп,
Ведь мы болели за один и тот же клуб.

Невозможно забыть и наши экзамены, которые мы сдавали на филфаке – в особенности по СРЛЯ, общему языкознанию и ГОСы. Надо было обладать немалым терпением и незаурядным умом, чтобы выдержать все эти испытания. И, конечно же, невозможно забыть колоритную фигуру моего научного руководителя – Эдмунда Генриховича Шика, оставившего меня при университетской кафедре. Именно благодаря Эдмунду Генриховичу я поступил в аспирантуру ОмГПУ и успешно окончил ее в 2002 году.

Именно на филфаке началось мое увлечение творчеством замечательного русского писателя Владимира Набокова. Моя дипломная работа, например, называлась – «Проблема российских источников интертекстуальности прозы Набокова» (а Алексей Липин, как я помню, выдал на гора большую дипломную работу про сатирическую прозу 20-30-х годов двадцатого века, среди которой выделялись «12 стульев», «Золотой теленок» и, разумеется, «Собачье сердце»).

Замечательное время обучения на филфаке вспоминаю я сейчас с благодарностью к нашим терпеливым преподавателям, и с легкой грустью в русле прустовской эпопеи «В поисках утраченного». Кстати, о зарубежной литературе. Именно лекции и семинару Елены Владиленовны Киричук вдохновили меня на создание собственных «Лекций по зарубежной литературе двадцатого века», которые можно обнаружить также на моей странице в «Самиздате».

Возвращаясь к периоду обучения в аспирантуре, необходимо упомянуть и мою поездку в Москву, организованную нашим университетом, по инициативе Э.Г.Шика. Впрочем, это уже совсем другая история..

6. МОСКВА

Люблю Москву, ее размах.
Вот это ширь, вот это – ах! –

Так говорил один столичный мэр в моей монументальной поэме в стиле Леонида Филатова «Сказ про Бориса и указ». Впрочем, автор этих строк, в отличие от градоначальника времен царя Бориса, далек от восторгов по поводу Москвы. Хотя необходимо отметить одно – в столице поддерживается элементарный порядок. Здесь никому и в голову не взбредет врубить какофонию в третьем часу ночи, для того, чтобы ею усладить слух своих соседей по многоквартирному дому. Никто не придет в полночь мерзко орать под Вашими окнами. Никто днем не будет орать там же, выражаясь нецензурною бранью по поводу несправедливого, на его взгляд, устройства жизни в Российской Федерации. Все потому что милиция там РАБОТАЕТ, а не прячется за спинами безоружных граждан. И, безусловно, это приятно. Как говорится, пустячок, но приятно.

С Москвой я познакомился еще в детстве, когда мы в восьмидесятые годы всею семьей побывали в ней проездом. Мы прошли по улице Горького и заглянули в ГУМ и на Красную площадь. К сожалению, последняя была обнесена железным заборчиком, за который почему-то никого не пускали («Я и сам не знаю, почему. ПОЛОЖЕНО!») - как говорил один персонаж художественного фильма по мотивам произведения братьев Стругацких). Я сфотографировал маму, папу и дядю Гену на фоне кремлевской стены, а также в ГУМе. В этом магазине меня удивил широкий размах продажи различных товаров. Мама также с трудом сдерживала себя, чтобы не закупить на последние деньги всякой всячины. Особенно запомнился мне большой фонтан посредине ГУМа, около которого назначали встречу потерявшимся в просторах магазина людям.

В следующий раз в Москве я побывал (вспомним фразу –

Кто в Москве не бывал,
Красоты не видал –

Из фильма «Брат») уже учась в аспирантуре Омского государственного педагогического университета. Воротами в столичный град для меня послужили перроны и здание Ярославского вокзала. На который прибыл поезд, привезший меня из Омска. Оттуда я отправился на метро на станцию «Юго-Западная», недалеко от которой (минут 15-20 ходьбы) располагалось здание общежития Московского государственного педагогического университета. Именно

там я и нашел свой приют на 10 дней пребывания в Москве. Поселился я на третьем этаже названного общежития, что было большим шиком – в самом общежитии было 22, кажется, этажа, как и в жилых домах, обступивших его. Рядом в номере жили вьетнамцы. И я удивился тому, как тихо и воспитанно они себя вели.

В тамбуре, примыкавшем к номеру, куда я заселился, стоял холодильник, в него я задвигал лапшу быстрого приготовления, купленную в магазине на первом этаже, и бутылочки пива (в ту пору я еще не соблюдал сухой закон). Рядом располагался санузел с душем. Очень удобно!

Другие два постояльца номера в основном вели себя вежливо и тоже воспитанно. С одним я даже чуть было не подружился. Как сейчас помню, приехал он по аспирантским своим делам, из Нижнего Тагила. На этаже также была комната дежурной. В ней стоял телевизор. Именно от дежурной я узнавал текущие результаты спортивных состязаний, в частности, футбольного матча Россия – Швейцария (завершившегося со счетом 4-0 в нашу пользу – о чем теперь, при нынешнем тренере, можно только мечтать).

Утром, приняв душ, я собирался и ехал в Химки, где располагался отдел диссертаций РГБ. Там провел я немало занимательных часов, читая диссертации по творчеству Владимира Набокова. Особенно запомнили мне творения А.Югай, Инги Акимовой и Ирины Пули. Приходилось тратить и деньги – на прокорм в столовой, располагавшейся на первом этаже, и на ксерокопирование самых интересных фрагментов диссертационных исследований (не все же мне было переписывать их от руки). И хотя путь до Химок был неблизкий, с пересадкой, преодолевал его я легко, воодушевленный работами наших современников о Набокове.

Путешествовал я на метро и по городу. Однажды я попал на станцию метро «Полянка» и там обнаружил огромный книжный магазин, заполненный разного рода учебной и популярной литературой, а также, недалеко от магазина, небольшую церковь. В расположенном рядом с церковью книжном магазинчике я приобрел книгу «Все обретает смысл», а также маленький молитвослов в мягкой обложке, который до сих пор служит мне верой и правдой. Заходил я и в саму церковь. В ней как раз проходила торжественная церемония венчания. К жениху с невестой я не приближался, наблюдал за церемонией издаലെка.

Кроме того, мне удалось посетить и Третьяковскую галерею, ее основную экспозицию – вместе со своим знакомым из Нижнего Тагила.

В Третьяковке я увидел полотна, например, Васнецова, знакомые мне с самого детства. Медленно я обходил залы галереи и поражался спокойствию ее посетителей, которые тоже вели себя вполне благовоспитанно. Представляю, что было бы, откройся такая галерея в нашем городе!

Особенно мне запомнился зал с иконами – подлинниками древнерусских икон. Здесь была и Троица Рублева, и икона Владимирской Божьей матери, и Спас Вседержитель. Последняя икона произвела на меня неизгладимое впечатление. Было ясное ощущение присутствия чего-то неизмеримо высшего, Божественного. В ту пору я был уже верующим человеком, и стояние перед иконой Спаса Вседержителя только укрепило меня в вере.

На первом этаже Третьяковки располагалась книжная лавка. Здесь я купил видеокассету, которая рассказывала о истории и современном состоянии хранящихся в галерее икон. Кассету эту позже я привез в Омск и подарил, насколько я помню, Татьяне Ивановне Подкорытовой – преподавателю филфака ОмГПУ, в свое время проведенной в нашей группе ряд семинаров.

В финальный день моего пребывания в Москве я посетил с дружественным визитом кинотеатр, располагавшийся на соседней с «Юго-Западной» станции метро. Там шел фильм «Мексиканец». Там же состоялась дружественная беседа с охранником, который принял меня за местного наркомана (наверное, оттого, что смотрел я на все в Москве широко раскрытыми глазами, и только что рот не разевал).

До сих пор с сожалением думаю о том, что я не посетил хотя бы один спектакль легендарного театра «Ленком» (а в ту пору был еще жив Александр Абдулов), - ведь билеты в этот театр продавались, и не очень дорого, в ларьках, расположенных в подземном переходе у Российской Государственной Библиотеки.

Вернулся я в Омск, нужно заметить, с несколькими книгами, купленными мною в столице. В основном это были произведения Набокова и о Набокове (литературоведческие изыскания). Позже я знакомил с этими книгами моих студенток из Педагогического училища. Что примечательно, одну из книг, «Лекции по зарубежной литературе» Владимира Набокова студентки так мне назад и не

вернули. Кажется, мелочь, пустяк, но ОСАДОЧЕК_ТО ОСТАЛСЯ. Конечно, не такой весомый осадочек, как тот, что остался после того, как Михалыч отобрал у меня работу в Педучилище, но все же..

7. ТОМСК

Именно Томску я посвятил ряд своих поэтических произведений, среди которых, например, есть такое:

А за скрюченной рекой,
Томью, там, в домишке,
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.

Прообраз скрюченного домишки – это общежитие ТомГПУ, постояльцы которого изошрялись в брани. Русской. Отборной. Нецензурной. Все три эпитета – ключевые. Также отборную брань приходилось мне слышать и в самом учебном корпусе Томского педуниверситета. Страшно подумать, что будет, если эти люди возьмутся учить и воспитывать детей!

Но не будем о грустном. Были в моем пребывании в Томске (куда я отправился с тем, чтобы принять участие в конференции по Русской литературе) и позитивные моменты. Прежде всего – я познакомился с новым городом, большим, разнообразным, людным. Также я познакомился с учеными – литературоведами и исследователями русской литературы – не только из Томска, но и из Новокузнецка. Да и сама конференция оказалась наполнена подчас содержательными выступлениями ее гостей.

Я представлял в стенах ТомГПУ мое небольшое исследование, касающиеся романа Владимира Набокова «Защита Лужина». Конечно, оно было весьма скромным по объемам (да и как ему не быть скромным), и уступало моей книге, которую я написал несколькими годами позже – и которая называлась «Онтологические сюжеты романа В.Набокова «Защита Лужина» (ее можно найти во всемирной паутине – вернее, ее фрагмент).

Мое исследование приняли с вниманием и некоторой даже благосклонностью. Вопросы задавали острые, но такого знатока творчества Набокова, как я, они не смутили (впрочем, может это еще

громко сказано, и я не знаток, а только любитель).

Конференция проходила в первых числах ноября. В Томске уже лежал снег и лед, и я с трудом пробирался к зданию корпуса ТомГПУ сквозь ледяные торосы. Да и сам путь от общежития к зданию учебного корпуса, располагавшемуся на окраине города, был неблизким. В Томске почему-то вместо просторных автобусов, знакомых мне по Омску, ходили маленький ПАЗики, в которые порой набивалось много народу. В такой обстановке, согласитесь, трудно думать о литературе и о выступлении на конференции!

Едя в маленьком автобусе, я наблюдал за улицами Томска и людьми на них. Улицы казались мне новыми, невиданными, фантастическими. Кстати, впоследствии эти наблюдения легли в основу описания города будущего из моей супер-пупер повести «Предпоследний Дозор» (написанной в стиле нашего известного фантаста Сергея Лукьяненко). Сотрудники пединститута предложили мне даже принять участие в экскурсии по городу. Почему-то экскурсия проводилась в темное время суток. Так что этим заманчивым предложением я не прельстился.

Помню, как я искал здание общежития – прежде чем поселиться в нем – и был удивлен, увидев неказистый домишко в несколько этажей, снабженный чрезвычайно узкими лестницами. Здание общежития помогли мне, кстати, найти девушки, на голове которых красовались шапочки с надписью «Томь». Очевидно, это были болельщицы одноименного футбольного клуба. В те годы, когда я был в Томске, «Томь», по моему, еще играла в российской премьер-лиге. А тренировал игроков «Томи» мой однофамилец – Петраков. Вот такая получилась «ирония судьбы»!

После часов, проведенных на конференции, я отправлялся в общежитие и отдыхал душой (насколько это возможно в Томске). Отдых мой состоял в том, что я слушал радио в портативном радиоприемнике с наушниками (тогда у меня еще не было сотового телефона) – «Эхо Москвы», которое один из наших популярных писателей обозвал «Эго Москвы». А вечерами беседовал о Набокове с кандидатом филологических наук из Новокузнецка, который подкармливал меня питательными бутербродами с колбасой. Помните, как кот Матроскин говорил герою мультфильма про Простоквашино дяде Федору – «Неправильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь»?

Помню также, как сразу после приезда в общежитие ТомГПУ

отправился звонить домой маме – с тем, чтобы сообщить, что прибыл я в Томск благополучно. Пункт телефонной связи находился в пятнадцати минутах ходьбы от общежития. И беседа с мамой придала мне тогда сил для новых свершений.

Томск показался мне негостеприимным, заснеженным, плохо освещенным городом. Я едва не заплутал на его улицах, когда шел к проспекту, по которому ходили троллейбусы до железнодорожного вокзала. С большим удивлением я увидел, что прохожу уже мимо центрального корпуса ТомГПУ. Ну, а от него было рукой подать до искомого проспекта.

Путь от остановки троллейбуса до железнодорожного вокзала тоже был слабо освещен. Кому-то это, может быть, и понравилось бы, но только не мне. Я пробирался мимо каких-то в беспорядке припаркованных машин, пока не достиг наконец площади перед вокзалом. В здании вокзала я хотел было купить газету. Наивная попытка, пресеченная суровым грозным окриком продавца киоска «Роспечати», увидевшей во мне, очевидно, злодея-террориста, покушавшегося на ее бумажное имущество.

С облегчением я вступил под крышу поезда, отправлявшегося в Омск. На ум приходили слова известной песни:

И как прекрасно возвращаться
Под крышу дома твоего!

Рядом со мной в вагоне ехали в Новосибирск солдаты. Они были довольно-таки дисциплинированы и, к счастью, не выражались той отборной площадной бранью, которую я слышал в учебном корпусе Томского педуниверситета. Поистине, Томск – город контрастов. На этом и закончилось мое знакомство с этим таежным сибирским городом. Как говорится, аживидерчи!

8. ЕВПАТОРИЯ

С этим южным приморским и зело крымским городом мне довелось познакомиться во времена моего детства в возрасте, наверное, шести лет.

Сначала был перелет по маршруту Омск – Симферополь. Это был первый в моей жизни полет на самолете. Конечно, было и

страшновато, и даже боязно. Запомнились мне аккуратные пакетики с солью и сахаром, курица в качестве обеда и обходительное обслуживание стюардессы.

Следующая картина, которая всплывает в моей памяти – мы едем из Симферополя в Евпаторию на электричке. Электричка, во всяком случае наш вагон, почти пуста. Я брожу взад и вперед по вагону, держась руками за ручки, приделанные к краям сидений. Со мною едут мама и папа – наша дружная семья.

За окнами – крымское лето, солнечные просторы полуострова.

Наконец мы приезжаем в Евпаторию. И обустроиваемся в снятой нами комнате небольшого домика, который расположен близехонько к побережью Черного моря. Я разглядываю книжку с картинками (в ту пору я умел уже читать).

Наконец мы выходим на пляж, поближе к теплему морю. Плавать я не умею, поэтому вхожу в воду боязливо и осторожно. Рядом на пляже загорают и купаются мама и папа.

От моего пребывания в Евпатории на память остаются две цветные фотографии, сделанные фотографом – профессионалом.

Первая. Я стою рядом с мамой на фоне маленького парусника (почти игрушечного, высотой не более в полтора человеческих роста) с заманчивой надписью «Алые паруса». О литературном первоисточнике парусника я в ту пору, разумеется, ничего не знал. Но само название – «Алые паруса» - ассоциировалось у меня с чем-то сказочным, с неведомыми, далекими берегами неизученных, неисследованных еще стран. Парусник стоит на самом берегу моря. Ласковые волны облизывают его и нас (наши ноги), то набегаая, то вновь отползая назад, в море. И сами паруса, по-моему, на паруснике ярко – красного цвета, под стать его легендарному названию.

Мама приобнимает меня за плечи. Настроение фотографии – спокойное, безмятежное, светлое.

Вторая. Я сижу на скамейке на одной из евпаторийских аллей. На мне надет вязаный зеленый костюмчик (очевидно, в тот день было прохладно). На моих коленях деловито примостилась обезьянка. Ох, как я ее боялся перед процессом фотографирования! От этого непонятого животного, по прихоти Дарвина считающегося предком человека, можно было всего ожидать. Обезьянка была не маленькая и, уместившись у меня на коленях, доставала мне едва ли не до подбородка, закрывая своим неказистым тельцем мой прекрасный

костюмчик. Сфотографироваться с обезьянкой меня попросила мама, и я героически переносил все тяготы фотографирования. Каким облегчением, помню, было, когда означенное животное слезло с моих колен!

Настроение этой фотографии – боязливое, напряженное, опасливое. Вот такие два разных снимка получились со мной в Евпатории.

В Евпатории мне довелось сыграть в шахматы. Как раз в то время я уже год как умел в них играть. Помню большое светлое фойе какого-то санатория или дома отдыха, шахматные доски, расставленные в несколько рядов. И умных, вежливых шахматистов, предлагающих сопернику свои гамбиты и защиты.

О впечатлении от евпаторийских шахмат я написал в своем рассказе «Шахматный набор». Он вошел в сборник рассказов «Вне игры» и был напечатан в одном из выпусков омского журнала «Литературный ковчег», издающегося авторами в складчину. Прочитать названный рассказ можно и на моей странице на сайте «Самиздат», как вы понимаете, он опубликован в сборнике «Вне игры».

Также я в Евпатории стрелял в тире. При стрельбе во мне просыпался недетский азарт. Возвращаясь с пляжа домой, мы почти каждый раз заходили в тир, расположенный недалеко от морского побережья, и папа покупал мне несколько пулек для того, чтобы я поупражнялся в стрельбе. Иногда папа стрелял и сам.

Сейчас я вспоминаю дни, проведенные в Евпатории, как период моей жизни, наполненный безмятежной радостью, солнцем, водой, светом. Нужно ли говорить, что сегодня, несмотря на многочисленные уверения в том, что «Крым – наш», мне проблематично посетить этот замечательный курорт. Дело не только в непомерных ценах на отдых в Крыму, но и в том, что папа мой уже не молод, и поехать вместе в это увлекательное путешествие практически не представляется возможным.

9. ПОЛОЦК

В этом городе на Западной Двине, городе, одном из старейших на территории Беларуси, я побывал дважды – в возрасте около 9 и 11 лет. В городе жили две сестры моей бабушки. Жили они в добрососедском согласии совсем недалеко друг от друга. Буквально в десяти минутах ходьбы. Каждая – жила в своей пятиэтажке вместе со своей семьей. У

одной из теток мы и останавливались, приезжая в Беларусь.

О Полоцке как городе, о его истории, о нашем пребывании в нем я рассказал в написанных мной еще в возрасте 11 лет очерках «Путешествие в Беларусь». Это были документальные очерки, - серьезный жанр, несмотря на юный возраст автора.

Написать очерки «Путешествие в Беларусь» надоумила меня книга Юрия Аракчеева «Луна над пустыней». В этой книге московский журналист рассказывал, как летом посетил побережье таинственной Сырдарьи – реки, протекающей по Казахстану и Узбекистану. Как побывал в загадочных тугаях, как фотографировал там различных насекомых (цветные фотографии, сделанные автором, были помещены здесь же). Одна из глав книги называлась «Знакомство с участниками экспедиции». В ней описывались знакомые журналиста, которые отправились вместе с ним исследовать берег Сырдарьи. Описание, портреты знакомых были столь яркие, выразительны, свежи, лаконичны, что я решил последовать примеру автора книги и включил такую же главу в свои очерки. Участниками моей экспедиции были папа, мама, дядя Гена и я. О каждом я сообщил вес, рост, увлечения, хобби, место работы, спортивные наклонности (как у дяди Гены).

Первая глава моей книги называлась «Собирания, письма, телеграммы». Название ее почти дословно я опять позаимствовал у Аракчеева. В этой главе описывался немаленький процесс сборов перед путешествием в Беларусь. Я рассказал о том, кто и когда нас пришел провожать, какую пищу мы готовили в дорогу, какие вещи брали с собой.

Вторая глава моих очерков называлась кратко – «Дорога». Дорога в Беларусь была для меня целым приключением. Я жадно вбирал в себя все ее разнообразные впечатления. Помню, какое большое впечатление, например, произвел на меня омский аэропорт. От обилия людей, запахов, звуков, зрительных образов едва ли не кружилась голова.

Затем последовала посадка в самолет. Мы поднялись в воздух, и с высоты я наблюдал (благо сел на место у иллюминатора), как красива наша земля. Причудливые извивы рек, прямоугольники полей – разноцветные, разнотравные – радовали глаз.

В Москве из аэропорта в Домодедово мы поехали на такси прямо на Белорусский вокзал. Фирменный поезд «Западная Двина», на который очень рассчитывали мои родители, ушел за две минуты до нашего

прибытия на вокзал. Пришлось брать билеты на поезд Москва – Калининград, в последний его, пятнадцатый прицепной вагон (как не вспомнить в связи с этим знаменитый рассказ Михаила Задорнова про два девятых вагона).

Поезд с Белорусского вокзала отходил в первом часу ночи. Мы коротали время до отбытия из столицы в зале ожидания Белорусского вокзала. Здесь на возвышении стоял большой телевизор, который я с интересом смотрел. Кроме того, в этом же зале располагался автомат для продажи газет – невиданное, скажу я Вам, для Омска устройство. Я даже хотел было купить какую-нибудь газету из этого автомата, но мне не дали копеек.

Итак, в первом часу ночи мы погрузились в поезд и в положенное время покинули гостеприимную Москву. В пятнадцатом вагоне было тесно, даже ночью было шумно. Соседи как один подобрались бессонные (помните слова Набокова – «рай – это место, где бессонный сосед читает бесконечную книгу при свете вечной свечи»). За всю ночь мне удалось поспать два – три часа. Утомленный, изможденный дорогой, утром я наблюдал за тем, как движутся в окне окрестности Полоцка. И вот наконец долгожданная остановка в городе.

Нас встречают дядя Вася и тетя Лида. На машине дяди Васи мы отправляемся к месту постоянной приписки – в дом на окраине Полоцка. Очутившись в доме, я первым делом отправляюсь спать (хотя до ночи еще далеко). По-моему, то же самое делают и мои родители.

Выспавшись, я предпринимаю попытку оглядеться по сторонам. Из окна квартиры видны много деревьев, которыми здесь усажен двор. В высоту они достигают четвертого этажа. Создается впечатление, будто пятиэтажка находится в большом саду или в лесу из берез.

Ко мне приходят друзья – Мишка и Ленька. Чтобы отметить знакомство, я играю с ними в шахматы. И довольно-таки успешно (одна победа, одна ничья).

С друзьями мы весело проводим время в Полоцке. Играем в казаков – разбойников. Делимся друг с другом шутками. Играем в футбол (одна команда – Динамо Киев, другая – Спартак Москва), причем борьба идет с переменным успехом и матч заканчивается со счетом 3-2. Ходим в магазин за продуктами. После одной из игр в футбол с моим троюродным братом последний обливает меня водой из колонки. Я

обезкуражен, но ничего не говорю маме. Хотя обида остается надолго – дня на два.

Какие еще места в Полоцке и его окрестностях довелось мне посетить во время моего «путешествия в Беларусь»? О, они не единичны и весьма разнообразны.

Прежде всего. Мы посещаем на машине коттеджный поселок – состоящий из домиков для путешественников. Управляющего нет на месте, и тетя Лида замечает, что лучше нам ничего не придумывать и не поселяться отдельно, а жить во время отдыха прямо в ее квартире. Мы благодарим с этим предложением соглашаемся.

Затем я посещаю дачу тети Лиды. Дача эта не в пример Сыропятской (которую я узнаю позже) – вся обсажена яблонями, оснащена грядками и большой теплицей. Именно на этой даче происходит (впервые) моя встреча с большими зелеными лягушками. Именно здесь и выясняется, что, оказывается, я люблю любую живность, в том числе и лягушек.

Помню, как приехавшая в первую поездку в Беларусь с нами баба Тася сидела под тенью яблони рядом с теплицей – а я ее фотографировал. Очень недурная, кстати, фотография получилась.

Здесь же нужно заметить, что в первый приезд в Полоцк я вместе с родителями, бабой Тасей, тетей Лидой и дядей Васей посетил Курган славы, воздвигнутый в память победы в Великой отечественной войне 1941 – 1945 годов. Он был расположен на юго-западе Полоцка (хотя почему «был»? Он и посейчас там, благо сравнить его с землей весьма нелегко было бы).

С Кургана славы открывался вид на противоположный берег Западной Двины, а на нем виднелась построенная едва ли не 9 веков назад церковь – величественный собор, к тому времени, как я приехал в Полоцк, он, впрочем, был весь обнесен лесами – проводилась реставрация храма.

На Кургане славы располагались памятные плиты, рядом с которыми я сфотографировал всю нашу честную компанию. Потом мы спустились с Кургана. У его подножия я сфотографировал папу, сидящего за рулем автомобиля дяди Васи. Папа, правда, машину никогда в жизни отродясь не водил. Однако фотография получилась красивая, знатная. Здесь же, у подножия Кургана, мы еще раз сфотографировались на фоне этого замечательного памятника истории, и, довольные, поехали домой, в квартиру тети Лиды.

Еще одно место, у которого удалось нам сфотографироваться – памятник партизанским отрядам, что расположен близ озера под Полоцком. Мы фотографировались, конечно, и на фоне красивого озера, и на фоне памятника. На нем красовались плиты с названиями отрядов (таких как «Мститель») и местами их дислокации во время войны.

С дядей Геней и родителями мы посетили также партизанскую землянку в лесу. Около землянки мы опять-таки сфотографировались. Фото получилось на фоне поясняющей таблички и самой землянки. Помню, как я зашел в землянку и меня поразила необыкновенная теснота и низость потолков в этом помещении. Раньше в таких землянках мне бывать, как вы понимаете, не приходилось.

В лесу мы отдыхали, дышали свежим воздухом, а я с дядей Геней и тетей Лидой даже играл в футбол. Помню, как тетя Лида стояла на импровизированных воротах, а я ей забивал мячи один за другим. В результате я сказал тете Лиде – «Какой ты вратарь? Ты дырка, а не вратарь!» Будучи уже старенькой, тетя Лида с удовольствием вспоминала этот эпизод нашей совместной игры, и всегда смеялась по э тому поводу.

В лесу мы также собирали грибы. Больше всех везло в этом деле дяде Васе. Он умел находить особые, грибные места и без полного кулья грибов, как правило, не возвращался.

Я всегда поражался тому, как дядя Вася не боялся один углубляться в лес. Я переживал за него – как бы он не заблудился. И сам отчаянно боялся заблудиться, поэтому ни на шаг не отходил от мамы.

Набрав грибов и надышавшись особым, чистым воздухом соснового бора, мы возвращались домой, к тете Лиде. А там меня уже ждали мальчишки – и игры, большая часть из которых была уже описана в этой главе.

В одну из поездок в Беларусь мы выбрались вместе на большое озеро, располагавшееся недалеко от Полоцка (впрочем, выбирались мы на озера и в другой поездке). Помню фотография, сделанную у этого озера дядей Васей: я с мамой и папой стою возле машины (белых «Жигулей»). В руке у меня большой ломоть арбуза. На ногах – резиновые сапожки, взятые специально для этой вылазки. В руках у мамы должен быть большой мяч, который мы приобрели в Полоцке. На лице у меня улыбка. Сразу видно, что настроение мое во время фотографирования было безмятежным и веселым.

Помню еще две фотографии, которые я сделал уже у другого озера под Полоцком – на одной из них изображен дядя Гена на фоне тех же «Жигулей», в своей парадной рубашке. На другой – мама в узорчатом платье. Лица моих родственников светятся улыбками и здоровым оптимизмом. Да, времена были беззаботные и безпечальные, отмечу я в завершение темы фотографий у озера.

Помню, как на озере мы ловили рыбу на уникальную снасть, введенную в наш рыбацкий («Цыган? – Нет, рыбак. Пойдем в погоню?») обиход дядей Васей. Снасть называлась «Резинка». Ее устройство было до гениальности просто. На леску с крючками (как правило, не более шести штук) привязывалась резинка, которая могла легко растягиваться. Снасть забрасывалась далеко в озеро. Затем рыбак тянул за леску, резинка растягивалась, и крючки с рыбой появлялись из воды. Теперь оставалось только снять рыбу аккуратно с крючков, и отпустить леску из рук (предварительно снабдив ее наживкой для рыбы). Леска плавно уходила в глубину, чтобы вернуться с новой порцией рыбы (как правило мелкой, типа ерша).

Вспоминаю с благоговением котелок, в котором мы варили уху – она была приготовлена из пойманных нами ершей. Ухой занималась тетя Лида как наш главный специалист – кулинар.

Рассказывая о городе Полоцке, нельзя обойти вниманием наш дружественный визит на машине в город – спутник Полоцка – Новополоцк, известный своей нефтеперерабатывающей промышленностью. Кроме завода по переработке нефти в Новополоцке был ряд примечательных магазинов, по которым мои родители вместе с тетей Лидой решили пройти. Я ожидал всю эту компанию в машине вместе с дядей Васей. Мы коротали время за игрой в шахматы. Кроме того, кормили воробьев, подлетающих к машине. В основном пряниками.

Здесь нужно заметить, что Новополоцк протянулся на почтительное расстояние вдоль южного берега Западной Двины. Расстояние это было нам не страшно, так как, повторюсь, мы были на машине. В большом магазине одежды и обуви мои родители приобрели обновки для себя и для меня, после чего мы дружно отправились в обратный путь. Мы побывали в Новополоцке практически в обеденный час. Некоторые магазины были закрыты, поэтому нам пришлось еще поездить – поискать нужный нам магазин одежды. Обувь мы купили в специализированном магазине, который назывался романтично –

«Черевички». Что бы сказал по этому поводу наш знаменитый писатель Юрий Поляков, повествовавший в своем «Гипсовом трубоче» о черевичках Гали Брежневой?

10. КРАСНОЯРКА

На базу отдыха «Рубин», когда-то принадлежавшую Омскому электромеханическому заводу, мы с родителями ездили еще в далеком детстве. Помню, как раз после того, как меня приняли в пионеры (дело было весной) мы как-то направились к проходным ОЭМЗ, возле которых нас уже ждали автобусы, готовые отправиться в Красноярку. Мы залезли в один из них, там я познакомился с сотрудниками предприятия и друзьями папы.

Позже мы стали отправляться в Красноярку с омского автовокзала. Заказывали такси, приезжали на такси на автовокзал. Затем покупали билеты на автобус и ожидали его в большом зале ожидания с телевизором. Эти долгие минуты перед автобусом в зале почему-то особенно запомнились мне. За окном всюю цвело лето, и я предвкушал, как вырвусь на природу и надышусь свежим воздухом в Красноярке.

Такие предвкушения, нужно сказать, имели под собой твердую основу. Ибо в Красноярке располагается самый замечательный сосновый бор из тех, что находятся недалеко от Омска. Воздух там прекрасен. По стволам сосен то и дело скачут белки, спускаясь к людям на дорожке – с целью покормиться. Люди кормят белок с руки, стараясь их не испугнуть.

База отдыха «Рубин» - это такая небольшая пятиэтажка на два подъезда. Мы отдыхали как в первом, так и во втором. Кроме пятиэтажки, база отдыха примечательна своей неповторимой, уникальной столовой.

Сколько здоровых, полезных, вкусных, питательных блюд было съедено нашей семьей в этой столовой! Насытившись, мы впадали в благодушное расположение духа.. Конечно, приходилось мыть руки перед едой в тамбуре, находящемся перед залом столовой. Но тогда и мысли не приходило, что нас может подстерегать из-за невымытых рук опасный и коварный коронавирус! Благословенные времена!

Зимой мы катались здесь на лыжах, а летом – на лодке. Вот как это происходило. Минутах в десяти – пятнадцати ходьбы от базы отдыха

располагалось озеро, принадлежавшее не то «Коммунальнику», не то «Колосу». На нем располагался замечательный киоск с мороженым (последнее я был не прочь отведать!) и лодочная станция. С мамой и отцом мы арендовали лодку (как правило побольше и пошире), и отчаливали от берега. Я особенно любил управлять лодкой, сжимая весла в своих руках. Иногда грести садился папа, и тогда лодка скользила по глади озерной воды с необыкновенной быстротой. Помню, как однажды мы с мамой поехали кататься на лодке одни и попали в миниатюрный «шторм» - погода вдруг резко испортилась, подул резкий холодный ветер, поднялись волны, и в довершение ко всему пошел дождь.

Мне пришлось взять ситуацию в свои руки и уверенно править лодкой до тех пор – пока мы не пристали к берегу. Мама лишь пищала, когда ей в лицо попадали брызги озерной воды – от моих весел, которыми я работал с большим прилежанием и усердием.

Однако в основном погода была хорошая, и на озере плавали другие лодки, катамараны, а воде купались отдыхающие – в основном молодого возраста. Также рядом с озером располагался пляж. На нем грелись под лучами летнего солнца все те же постояльцы домов отдыха.

Недалеко от «Рубина» располагался «Коммунальник» (получивший ныне известность «благодаря» коронавирусу, - кстати, последнее слово мой старенький «ворд» подчеркивает красным – оно ему еще, счастливому, неизвестно), к этому корпусу мы ходили от нашей пятиэтажки. Помню, как однажды в «Коммунальник» приехал цирк. На представление этого цирка (в котором участвовали различные животные) собрались дети и их родители со всех окрестных «санаториев». Особенно выделялся на представлении старенький медведь, показывавший трюки. Также я запомнил двух развеселых клоунов, ходивших по рядам со зрителями.

Нужно заметить, что совсем рядом с «Рубином» располагалась фирменная гигантская горка, с которой можно было съезжать на картонках. Горка действительно была большая, и залезать на верхатуру мне было порой страшновато. Зато каким наслаждением было скатиться вниз и лихо проехать по ледяной дорожке, пролегающей среди снегов.

Помню, как зимой и летом ходил по дороге, соединяющей базу отдыха «Рубин» с Краснояркой. Дорога легала в основном посередине

зеленого соснового бора. В пути меня сопровождали родители, а когда повзрослел – то и мои знакомые. Кстати, дорога от «Рубина» до автовокзала в Красноярске стала прообразом пути героя в моем лирическом рассказе «Друг» (сборник рассказов «Вне игры»). Сама Красноярка – достаточно большая деревня. Одну из ее улиц мы, помнится, преодолевали за сорок минут. В конце улицы был спуск к Иртышу и несколько магазинов. В одном из них, как я помню, мне купили сказку про Серую шейку, кажется, Мамина-Сибиряка. Хотел я заглянуть и в церковь Красноярки (когда вырос), но она оказалась почему-то заперта.

11. ЧЕРНОЛУЧЬЕ

О моих детских впечатлениях от поездок в Чернолучье на базу отдыха «Иртыш» я написал в двух больших очерках «Двенадцать дней в Чернолучье» и «Двенадцать дней в Чернолучье - 2». Очерки эти были в форме дневниковых записей. Последовательно, обстоятельно, подробно я рассказывал о каждом из 12 дней, проведенных на турбазе. Во время первой поездки в Чернолучье мы проживали в благоустроенном номере на третьем, кажется, этаже пятиэтажного корпуса турбазы. Во время второй – условия проживания были значительно более аскетичными. Дело в том, что нам достался так называемый «коттедж» - лачуга площадью не более 12 квадратных метров с удобствами на улице. Я ее часто называл «сарай». Особенно дискомфортно мне было в ней первые 3-4 дня пребывания в Чернолучье, поскольку по ночам (дело было в августе) стояла довольно прохладная погода, и в коттедже также было холодно.

А как завлекала, как манила реклама турбазы! О ней я написал в очерке «Жизнь в Омске», глава «Турбаза» (в одноименном сборнике юмористических рассказов). Авторы буклета обещали проживание в «комфортабельных коттеджах»! Также обещаны были дискотека, пункт проката, бар, библиотека и прочие блага для советских трудящихся. Обещания, как видите, довольно круто разошлись с суровой действительностью.

Утром, поднявшись со своих кроватей, мы направлялись напрямиком в столовую (ели мы в первую смену, поэтому подниматься приходилось довольно рано, - но ничего, мы привыкли к этой спартанской обстановке). В столовой были большие окна едва ли не во всю стену.

За окнами росли березы, кустарники. Вид был очень даже неплохой. Кормили нас, как правило, довольно вкусно. Во всяком случае, когда я описывал меню кормежки (а делал я это довольно скупрулезно), то всегда говорил о вкусности:

- паровой котлеты,
- картофельного пюре,
- полстакана сметаны,
- большого ломтя дыни,
- стакана кефира.

Как следует подкрепившись, мы направляли свои стопы в телевизионную комнату. Там, как правило, было просторно. Мы смотрели передачи про сад и огород, сериалы про Шерлока Холмса и доктора Ватсона (с Ливановым и Соломиным), а также передачу «Кинопанорама», сатирический киножурнал «Фитиль» и «Футбольное обозрение». Изредка показывали и футбольные матчи – например, поединок между сборными СССР и Румынии, в котором наши футболисты в очередной раз порадовали. Правда, на этот раз – румынских болельщиков, проиграв с минимальным счетом.

После времени, проведенного в тесной телевизионной, хотелось прогуляться на просторе. И мы направлялись в Чернолучье (деревня располагалась через дорогу от турбазы), чтобы посетить, во-первых, небольшой базарчик, где можно было купить всякие фрукты и овощи, которыми торговали местные поселяне и поселянки. Покупали мы там и ягоды – например, малину.

Рядом с базарчиком находилось два или три магазина – «Хозтовары» и «Продовольственные товары». В этих магазинах мы покупали разного рода козенаки и газированную воду.

Из Чернолучья мы направлялись по аллее к зданию Чернолучинского дома отдыха. В одном из его строений размещался кинозал (в котором мы смотрели фильм с участием Бельмондо «Баловень судьбы») и игровые автоматы. О, как они манили меня в годы моего детства.

Отец и мать благосклонно позволяли мне разок-другой сыграть в эти автоматы. Особенно я облюбовал автомат под названием «Морской бой». Там, если точно попадешь десять выстрелов по кораблям противника, давался приз – суперигра. Смысл ее заключался в том, что играющему было позволено произвести еще три выстрела по кораблям. Еще один автомат был посвящен вождению автомобиля – необходимо было вести его по дороге, объезжая препятствия в виде

конкурирующих за место под солнцем автомобилей. И еще одна замечательная, излюбленная мною игрушка представляла собой «арканойд» - как выразились бы авторы журнала «Гейм экзе» - необходимо было, отбивая лопаточкой мяч, не позволять ему свалиться вниз, и попутно атаковать им прямоугольнички в верхней части экрана. Ох, до чего же беззаботное было время..

Проведя время с пользой в зале игровых автоматов, я отправлялся вместе с родителями, разумеется, дальше по сосновой аллее дома отдыха. Аллея эта буквально кишела белками. Они спускались с деревьев, чтобы отведать семечки, которые предлагали им туристы. Семечки эти специально продавались на базарчике, о котором речь шла чуть раньше. Мне также удалось покормить белку. Но попытка ее сфотографировать окончилась неудачно – кадр получился темным (все-таки белка сидела под раскидистым деревом - в тени) и ничего на нем практически не было видно.

Затем по железной лестнице мы спускались с крутого правого берега Иртыша вниз. Там располагался пляж и лодки. Иногда, особенно в ясную, хорошую погоду, к лодкам выстраивалась даже очередь из желающих покататься. Мы брали обычно удобную широкую четвертую лодку, изредка, когда не было четвертой, - узкую двадцать третью. Теперь осталось только сесть в лодку и отчалить от берега.

Управлял лодкой, как правило, отец. Иногда, впрочем, и мне давали порулить (как говорили КВН-щики в свое время, «Партия, дай порулить»), - и я с удовольствием налегал на весла, двигая лодку вперед. Замечу, что против течения это было делать довольно сложно. Хорошо, что течение в протоке, на которой находился пляж, было не быстрым. Это было побочное, не основное русло Иртыша.

Мы любили на лодке обплывать мимо острова (который через два года превратился из-за обмеления реки в полуостров), расположенного недалеко от пляжа и густо поросшего разного рода зеленью – деревьями и кустарниками.

Вернувшись в турбазу, вечером, после ужина, мы любили ходить на киносеансы в большой кинозал турбазы. Именно в нем мы просмотрели такие занимательные фильмы как «Блондинка за углом», «Где находится нофелет?» (с участием Меньшова и Панкратова-Черного), «Время отдыха с субботы на воскресенье» и «Замужем за мафией». Причем на последний зарубежный фильм в фойе выстроилась большая очередь. Велико же было желание советских

граждан ознакомиться с буднями европейских мафиози!

Стоимость билетов на кинопросмотр была чисто символической – не дороже, чем, скажем, на билеты в каком-нибудь кинотеатре «Россия» в Тавричанке (о которой речь еще пойдет в одной из последних глав этой книги). Был еще и видеосалон, где я посмотрел как-то один зарубежный мультфильм «Корабль-призрак», - но мне это дело не понравилось, и больше ни я, ни мои родители в этот «салон» не ходили.

В здании турбазы «Иртыш» была также неплохая библиотека. Именно там я впервые ознакомился с книгами Джерома Капки Джерома «Досужие мысли досуженного человека» и Жюль Верна «Таинственный остров». Книги эти были с захватывающими сюжетами, которые я ценил, и не только, - один из авторов был большим юмористом, а второй знал толк в описаниях походной жизни. Именно названные книги Верна и Джерома К. Джерома я читал очень быстро и где придется – даже на пляже и в лодке, когда папа загребал веслами, а я сидел на корме. Книгу Верна в один из завершительных дней пребывания на турбазе я читал подряд 3 с половиной часа!

На турбазе была и дискотека. Я ее не посещал в силу своего еще малого тогда возраста. Гудела и играла музыка там до полуночи. Особенно в пятницу. «Вновь прибывшие, прошу на дискотеку!» - раздавался зычный голос местного ди-джея. А билет туда стоил рубль (не много и не мало).

Изредка для отдыхающих устраивалась экскурсия по окрестностям Чернолущья. Помню две из них. Первая была на автобусе. Попали на нее мы, можно сказать, случайно, услышав объявление по Чернолущинскому радио. Автобус провез нас по расположенным недалеко от турбазы пионерским лагерям. Экскурсоводша рассказала нам о том, что плотность населения в Чернолущье превышена едва ли не в 7 раз. Было сказано и о годе основания поселка (который ненамного отличался от года основания Омска), и о том, как он развивался в 19 – 20 веках.

Затем автобус остановился и все гуртом повалили к Иртышу. Экскурсоводша продолжила свой рассказ. Речь зашла о реке Иртыш, и почему вода в ней желтоватого цвета. Мы – то думали, что это – от предприятий нефтехимии – что находятся в Омске. Оказалось, что нет – этот цвет якобы от песка, в котором берет начало река. Как говорится - «Иртыш-река, Иртыш-река, кошек успокоит на века» (перефразируя

знаменитейшую песню Глеба Самойлова). После сообщения экскурсоводши (она говорила еще что-то, но Ваш покорный слуга не запомнил) мы дружно вернулись к автобусу, и поехали назад на тубазу.

Вторая экскурсия была на теплоходе. Желающих бесплатно прокатиться на этом экзотическом для Омска виде речного транспорта оказалось немало. Толпа отдыхающих растянулась на несколько десятков метров. Она начала свой путь от турбазы и постепенно пришла к дальнему, северному филиалу Чернолучинского дома отдыха. Я запомнил не столько само здание этого филиала (довольно-таки старое), сколько площадку для игр рядом с этим зданием. Именно на этой площадке я любил набрасывать кольца на штыри, вбитые в деревянный щит.

Итак, миновав площадку, мы подошли к большой лестнице, спускающейся к правому берегу Иртыша. На берегу нас уже ждал теплоход. Как только мы отчалили от берега, погода испортилась. Подул холодный северный ветер и зарядил дождь. Несмотря на это, я вытащил отца на верхнюю палубу. Там я его несколько раз сфотографировал (забегая вперед, скажу, что эти фотографии также не получились – слишком пасмурно было в этот день на природе). Затем я фотографировал баржу и коров, пасшихся на берегу. Как говорится,

На лугу, на лугу, на лугу пасутся ко..

- Коровы!

- Правильно, коровы!

Пейте, дети, молоко, будете здоровы!

Затем дождь припустил еще пуще, и я решил ретироваться на палубу ниже. Теплоход плавно повернул, и отправился в обратный путь. Все путешествие заняло не более двух часов. Помню, как под дождем мы взбирались на крутой склон правого берега Иртыша. Как толкал я маму, чтобы ей сподручней было взбираться на берег. Наконец мы взобрались наверх, и припустили к турбазе. Стоит ли говорить, что, как только мы пришли домой, дождь закончился.

12. УЛИЦА ЛУКАШЕВИЧА

Есть на левом берегу города Омска такая замечательная улица – улица Лукашевича. На ней мне довелось прожить семь лет – от самого моего рождения до первого класса школы. Именно из дома на улице Лукашевича ходил я в детский сад и в школу.

Воспоминания мои о том времени подернуты дымкой романтики детства. Все кажется преувеличенно спокойным, прекрасным. Нужно здесь заметить, что дом на Лукашевича стоял посреди красивой березовой рощи. И вообще деревья в этом микрорайоне росли буквально на каждом шагу (помню, как я собирал гербарий – делать это было просто и легко). А здание школы номер 47 от жилого микрорайона отделял целый лес (по крайней мере, так мне казалось в пору детства).

Саму сорок седьмую школу вспоминаю сейчас с благодарностью. Учеба в первом классе нисколько меня не затрудняла. Задания казались элементарными. Ведь читать я научился еще за год – полтора до поступления в первый класс. Единственные трудности были с катанием на лыжах. Во-первых, до школы надо было лыжи донести. Одно это было серьезным испытанием для меня – идти надо было около пятнадцати минут, таща лыжи и еще рюкзак. Затем в поте лица своего надо было преодолеть три круга по уже упомянутому леску – по лыжне. Это было ой как непросто. Мне запомнила эта серьезная для первоклассника нагрузка. После такого тоже немалого испытания настроиться на спокойную учебу в классе было трудновато.

Помню, как моя мама приходила в наш первый класс и рассказывала о своей работе (такое задание дала ей наша классная руководительница). В конце рассказа она раздала моим соученикам по две витаминки. Помню, как тогда необыкновенно я гордился моей мамой. Ее статус в моих глазах поднялся на новую высоту.

Еще нужно вспомнить, как мы поднимались с друзьями на верхатуру нового строящегося дома. И смотрели с балкона его вниз, на людей. Зрелище было незабываемое. Остается удивляться, как мы не сверзлись вниз с высоты. Очевидно, Бог хранил нас.

Ходили мы с родителями в разные магазины, расположенные по обе стороны улицы Лукашевича и Ватутина, посещали кинотеатр «Иртыш». Еще в первом классе нас водили вместо уроков на просмотр художественного фильма для детей, который специально тогда показывали в этом кинотеатре.

По другую сторону улицы Лукашевича, за гаражами и рощей

находился продовольственный магазин, куда мы ходили довольно часто. Он, наверное, и сейчас стоит там, если только его не снесли. На улице же Ватутина располагался магазин «Культтовары». Именно там мне купили замечательный и дорогой компас, который я любил показывать всем, кому ни попадя.

13. ТАВРИЧЕСКОЕ

Рабочему поселку Таврическое, что располагается в Омской области, я посвятил целый ряд своих сочинений. Среди них:

- Будни и праздники рабочего поселка,
- Жизнь поселка,
- Четыре часа в пути, или Невыдуманное путешествие в общественном транспорте,
- Деревенский альбом (стихотворный сборник, впервые увидевший свет в 2021 году).

В настоящем эссе я буду вспоминать поочередно каждое из этих, с позволения сказать, произведений. В целостную картину впечатления от пребывания в поселке Таврическое сложится, надеюсь, эта мозаика воспоминаний.

В Таврическом или Тавричанке, как мы ее называли в семье, проживали баба Тася (моя бабушка), отчим моей матери и дядя Гена (брат моей мамы). Их дом стоял на улице Кирова. Совсем недалеко от автовокзала и от центра поселка.

Жизнь в поселке, особенно у бабы Таси, была трудовой и содержательной, наполненной работой. Это нетрудно понять, если прочесть мою «Жизнь поселка», главу «Будний день бабы Таси» (сама «Жизнь поселка» входит в сборник рассказов «Рассказы о детстве»). Глава эта представляет собой досконально описание трудового дня моей бабушки. Здесь я описывал все подряд – как бабушка рвет траву (молочай) для свиньи, как кормит цыплят, как поливает огород, как ходит в гости, как отдыхает, взобравшись на свою кровать, как кушает приготовленные ею же блюда.

Сложно, ох, сложно было ухаживать за цыплятами (будущими курицами) и за свиньей Машкой, следить за картошкой, возделывать огород. Вспоминаются в связи с этим фразы замечательного стихотворения:

Он думал о том, о безправном народе,
Что поздно ложился и рано вставал,
В тяжком труде изнывал на заводе,
Жалкую нивку слезой поливал.

Действительно, баба Тася вставала уже в половине шестого, а ложилась в одиннадцать часов вечера. Так, во всяком случае, было в летние месяцы. В это время дядя Гена (особенно) и дед Семен не слишком утруждали себя работой. Помню, что мое описание их будних дней было куда лаконичней. Мы любили с утра, например, смотреть матчи сборной СССР по футболу. И пытались подключить к этому делу даже работающую бабу Тасю. Смотрели и другие телевизионные передачи, среди которых были КВН, «Что? Где? Когда?», «Футбольное обозрение», «Прожектор перестройки», «Пятый канал» (программа омского телевидения), «В четверг – и больше никогда». Вечером, когда по телевизору ничего не было – нет, не болтали с духами (как было принято в семейке Альфа, пришельца с Мелмока) – но играли в карты.

Иногда я с дядей Геней или с отцом ходил на рыбалку. Я любил, бывало, отправиться на далекое озеро на запад от Тавричанки, на берегу которого стоял какой-то санаторий-профилакторий. Озеро это мы обнаружили, блуждая в окрестностях поселка вместе с дядей Славой (еще одним братом мамы). Тогда на берегу мы увидели двух рыбаков – и поразились тому, как ловко они вытаскивали из воды карасей. Ловили они на обыкновенную удочку. «А чем же мы хуже?» - мелькнула у меня мысль, и на следующий день мы уже отправились на озеро вместе с дядей Славой и его сыном Сашком (они приехали погостить к нам в Сибирь из своего приволжского городка). Наверное, нам как новичкам везло, но факт остается фактом – мы наловили 22 небольших карася.

Любил ловить я рыбу и на территории Тавричанки. Дело в том, что посреди поселка было вырыто два небольших котлована – озера. В одном из них всюду плавали утки, а вот в другом, менее тронутым домашней птицей, можно было при желании наловить тех же карасей. Помню теплые тихие вечера, особенно в выходной день, когда у водоема собиралось не менее двух десятков рыбаков. И заметьте, никто не орал, не поносил мерзко своих соседей, - над озером стояла тишина, нарушаемая изредка краткими, лаконичными репликами

рыбаков да всплеском вылавливаемой рыбы. За такой рыбалкой можно было засидеться до самых потемков, до времени, когда на улицах вокруг озера зажигались фонари. Да, любил я посидеть на берегу озера с удочкой в ожидании поклевки. Особенно охотно шел карась на червяка. Ловили, правда, и на хлеб, но значительно менее успешно.

Иногда компанию мне в этих рыболовных приключениях составлял мой друг и сосед по улице Игорь. Мы с тезкой любили половить на удочку или понаблюдать (не без доли сарказма) за тем, как это делают другие рыбаки. Игорь был старше меня лет на пять, и являлся для автора этих строк непререкаемым авторитетом. Игорь рассказывал автору этих строк веселые истории и анекдоты, например, из жизни Алисы Селезневой и робота Вертера (с репликой последнего «Будет что вспомнить, когда отвезут на свалку!»). С ним мы участвовали в играх деревенских ребят, совершали экспедиции в самые дальние уголки Тавричанки. Наверное, память о них и проявилась в моем популярном стихотворении «Как близко небо у деревни» (которое два часа разбирал наш местный поэт Ключанский, но так и не смог понять, что там и к чему).

О рыболовных посиделках у озера писал я в стихотворениях из сборника «Деревенский альбом». Впрочем, в этом произведении есть и чисто бытовые зарисовки, касающиеся жизни маленького мальчика (то есть меня) в деревне. Я любил наблюдать не только за жизнью и работой моих родственников, но и за поведением животных, которые обитали во дворе нашего дома на Кирова. И даже насекомых, среди которых выделялись муравьи.

Во дворе нашего дома было несколько муравейников. Я нисколько не мешал муравьям в их работе, не разорял их гнезд. Присев на корточках, я следил за тем, как они тащут в муравейник какую-нибудь соринку – для того, чтобы построить свои неприхотливые хоромы.

И, конечно, большая дружба связывала меня с собакой Тузиком – дворняжкой, сидевшей на цепи у будки рядом с нашим домом. Тузик был для меня священным домашним животным. Кстати, он тоже появится позже в стихотворении «Как близко небо у деревни» (опубликованном в «Литературном ковчеге», кажется, в 2016 или 2015 году).

Я любил обхватить Тузика за туловище и гладить, гладить его по умной преданной морде. Тузик в ответ облизывал мои руки.

Также дружбу водил автор этих строк и с котенком Василием, который

жил в доме моей бабушки. Взяли его, насколько я помню, в 1988 году. О котенке написал я целое сочинение на уроке литературы. И также упомянул его в моем дневнике – очерке «Жизнь поселка». Появился Васька в доме благодаря тому, что бабушка и дядя Гена заметили в доме мышей. Решено было взять кошку – для того, чтобы отлавливать незваных гостей семейства мышиных. Баба Тася лично ходил за кошкой к своей знакомой. Сначала бабе Тасе выдали на руки старую кошку Машку (может, и не очень старую, но уже не первой молодости). Когда баба Тася заносила Машу в калитку, та вырвалась и убежала, оцарапав бабушке ногу. В следующий раз было решено не рисковать и взять совсем молодого котенка. Когда его принесли домой, я удивился его миниатюрности – Васька был высотой в авторучку и длиной в нее же. Ему устроили укромный уголок за дверью. Там Васька спал и питался.

Поначалу Васька любил побегать по дому. Его серая спинка то и дело показывалась на половиках в зале, под креслами и под кроватями. Затем, когда вырос, настала пора осваивать огород и большое картофельное поле. Помню, как Васька лежал в подсолнухах. Единственное, чего не любил наш кот – это пробегать мимо Тузика. Тузик отчаянно лаял на кота, а тот выгибал спину дугой. Поэтому Васька старался избегать конфликтных ситуаций между собой и нашим Тузиком.

Отдельной строкой стоит упомянуть дорогу в Тавричанку. Именно этой дороге было посвящено мое эссе «Четыре часа в пути, или Невыдуманное путешествие в общественном транспорте». Начиналось это эссе с описания стоящих рядом с таврическим автовокзалом автобусов и небольшой толпы из людей, жаждущих уехать в славный город Омск. Первым делом в кабину автобуса залезал водитель, а в салон автобуса – контролер. Начиналась посадка на рейс. Купившие билеты в кассе автовокзала люди по очереди входили в передние двери автобуса, рядом с которыми стоял контролер.

Вошли и мы с папой и мамой (обычно нас провожал дядя Гена, который, разумеется, оставался у дверей, та-шкать, на земле Таврической). Контролер покинула салон, после чего в автобус вперлись две подозрительные личности. Билетов у них не было. Водитель заявил, что никуда не поедет, пока те не предъявят билеты. И не успел автобус отъехать несколько десятков метров от автовокзала,

как он остановился. Трудно описать, с какой неохотой покидали салон два безбилетных путешественника.

Затем автобус бодро поехал по маршруту, но через минут двадцать из задней части салона донесся специфический запах и понеслись клубы дыма. Пришлось останавливаться водителю, а пассажирам – спешно эвакуироваться. Впрочем, некоторые остались в салоне и, пока водитель ремонтировал транспортное средство, предавались неспешным разговорам. Бабуля – Божий одуванчик поведала сидящему рядом с ней сержанту о том, что наказали водителя свыше. То есть сам Господь. За то, что тот не взял с собой «двух странников». Такая версия не нравилась сержанту, но он предпочел согласиться с бабушкой.

Наконец через час двигатель стал подавать признаки жизни. Пассажиры кинулись с радостью обратно в автобус (некоторые, отчаявшись, уже ловили попутные машины). Затем автобус тронулся с места. Он еле – еле доехал до границы Омска, после чего сломался окончательно. Хорошо, что рядом была остановка общественного транспорта, и пассажиры нашего 404 автобуса (таков был его бортовой номер) смогли пересесть на маршрут, следующий к центру Омска. Народу, конечно, набилось немало. Стиснутые наподобие сельдей в бочке, мы доехали до Парка Победы. Там мы вылезли. К слову, мы всегда вылезали у Парка Победы, ибо автобусы из Тавричанки следовали всегда к омскому автовокзалу, а это был левый берег (а нам было нужно на правый). У Парка Победы мы садились обычно на восьмой автобус – он довозил нас до ДК завода Баранова. Ну а дальше, на подручном автобусе мы отправлялись домой. Иногда мы ехали на трамвае – двойке – от проспекта Карла Маркса до улицы Богдана Хмельницкого. Так мы поступили и в этот раз. Был уже поздний вечер. На улице было прохладно. Пассажиры, стоящие на остановке, поневоле занимались гимнастикой «для тех, кто не спит», - чтобы не замерзнуть. Наконец подошел долгожданный трамвай, мы сели в него. Двери трамвая закрылись, он поехал по маршруту, по пути радуя нас праздничной иллюминацией. Домой мы приехали через четыре с половиной часа после того, как выехали из Таврического.

Еще одним способом доехать до Таврического (вернее, до станции Стрела – что в пяти километрах от Тавричанки) было воспользоваться услугами железнодорожного транспорта. То есть мы ехали в Тавричанку на электричке. Сама поездка протекала без особых

волнений. Мелькали за окном дачи Фадино, постройки Новоселецка, рощи Карбышево-2. Но самый волнительный момент был впереди. Как только электричка останавливалась у станции «Стрела», необходимо было как можно побыстрее выпрыгнуть из нее и, преодолевая по пути препятствия в виде железного заборчика, добежать как можно быстрее до автобуса, едущего от «Стрелы» в Таврическое. От этого зависело, сумеете ли Вы занять сидячие места и вообще – места в автобусе. Людей в него обычно набивалось немало. Ехал автобус и из Таврического – на Стрелу. Однажды его отменили. Дело было в 1997 году, летом. Нам с мамой и отцом пришлось пешком преодолевать пять километров до Стрелы, на что ушел битый час. Дело осложнялось тем, что от простуды у меня поднялась немного температура (насколько я это помню). Это путешествие «пешедралом» на Стрелу запомнилось мне навсегда.

Но вернемся на улицу Кирова, что в Тавричанке. Когда мы покидали гостеприимный дом моей бабушки и отправлялись на автовокзал, то на повороте дороги, около озера останавливались всегда и махали бабе Тасе рукой. Она махала нам в ответ, стоя у калитки. До сих пор помню этот трогательный момент расставания, которое обещало быть недолгим – до новой встречи в Тавричанке..

Как было уже сказано, я наблюдал не только за бабушкой в 1988 году, но и за дедом Семеном и за дядей Геной.

Будний день дяди Гены протекал неспешно. Во-первых, он спал до 9 часов (чего не могла себе позволить баба Тася). Затем смотрел «Футбольное обозрение». Читал газеты (наши родственники выписывали газеты «Труд», «Сельская жизнь», «Советский спорт», «Слава труду» (таврическая газета), журналы «Физкультура и спорт» и «Человек и закон»).

Затем дядя Гена мог пойти на колонку за водой. Для этого он брал флягу на большой тележке, которую предстояло наполнить водой. Иногда я увязывался за ним. Мне нравилось наблюдать, как весело бежит вода из колонки во флягу. Затем дядя Гена брал флягу и тележку – и направлялся в обратный путь, домой.

Затем дядя Гена ходил на тренировку в спортзал. Дело в том, что он был мастером спорта по гиревому спорту. И регулярно участвовал в различных соревнованиях районного и областного уровней. У него было немало медалей, полученных за призовые места на этих состязаниях. К медалям прилагались почетные грамоты. Последние

дядя Гена называл «макулатурой».

Тренировка длилась часа два – три. И за это время я успевал соскучиться по дяде Гене. Он возвращался с тренировки не с пустыми руками. По пути, как правило заходил в магазин, и покупал мне бутылку «Тархуна» (питательный газированный напиток).

Вечером мы с дядей Геной дружно смотрели телевизор.

Теперь что касается буднего дня деда Семена. Его я тоже описал в моем очерке «Жизнь поселка». День был посвящен тому, что Семен пилил дрова. На жаре. Лучшей погоды и лучшего времени для пиления дров он не нашел. К вечеру, когда жара спала, ему пришлось помогать дядя Гена. Они довольно дружно пилили дрова до тех пор, пока не поднялся ветер и не начался сильный дождь. Пришлось дяде Гене прятаться в сарай, а деду – в дом.

Дед тоже любил смотреть телевизор, но в описываемый день ему не повезло – на какое-то время отключили телевизор. Поэтому дед просто сидел на кресле, барабанил костяшками пальцев по ручке.

Вообще дед любил заняться гимнастикой. Занимался он ею днем (что еще можно было хоть как-то объяснить) и ночью, перед рассветом, часа в четыре (а вот это было ненормальным!). Ночью он любил помахать, подрыгать ногами, лежа на кровати. Это тоже называлось гимнастикой.

Когда он позже переехал жить к нам, то любил, бывало, часа в три – четыре ночи попрыгать, поскакать по полу. Помню, соседи были очень недовольны.

Любил дед Семен к обеду принять 100 грамм водочки. Названная доза его весьма и весьма бодрила.

Кроме того, любил он и походить с папой в баню. Один раз свалился с полка и, наверное, получил бы травму если бы не мой отец, который в трудную минуту поддержал своего тестя.

Наверное, нужно описать и некоторые примечательные во всех отношениях здания в поселке Таврическое, которые я любил посещать, будучи в гостях у бабы Таси. Прежде всего это кинотеатр «Россия». Именно в него ходили мои папа и мама. Именно в него повел я моего двоюродного брата Сашу – на просмотр приключенческого фильма «Тайна замка Моррисвиль». Фильм был с элементами трэша. От него я получил несравнимое ни с чем удовольствие. В финале фильма замок взлетел на воздух. Кстати, в телевизионной версии фильма, которую я посмотрел позже, ничего

подобного не было. Кинотеатр заполнялся ненамного, и я помню, как смотрел сборник мультфильмов «Ну погоди!» практически в пустом зале.

Ну и конечно же, примечательными в Тавричанке были магазины, в которые мы ходили с моими родителями.

Начнем с книжного магазина. Ему я посвятил одно из стихотворений «Деревенского альбома». В этот магазин мы шли буквально сразу с автовокзала, сразу после того, как приехали в Тавричанку. Мне нравилась спокойная, тихая атмосфера в магазине. Я любил разглядывать и выбирать книги, расположенные на его стеллажах. Надо сказать, что книг в этом магазине мы купили весьма немалое количество. Особенно мне запомнилась одна из них – «Избранное» Владимира Набокова из серии «Книга для ученика и учителя». В этой книге были помещены фрагменты биографических свидетельств о Набокове, фрагменты критических статей, а также два больших набоковских романа – «Защита Лужина» и «Дар». Позже, значительно позже я написал посвященные этим двум произведениям исследования – «Онтологические сюжеты романа В.Набокова «Защита Лужина»» и «Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар»». Именно эта книга послужила началом для моего знакомства с творчеством Набокова. Именно благодаря ей я выбрал тему моей дипломной работы – «Проблема российских источников интертекстуальности прозы В.Набокова». Потом были другие книги, купленные уже в других магазинах (в том числе и в Москве). Но это уже совсем другая история..

Иногда мы заходили и в большой «Универмаг» - двухэтажное здание на улице Ленина. Мне запомнилось, например, как мы покупали там для меня зимнюю шапку. На втором этаже здания располагался манивший меня запахами парфюмерный отдел. Мне нравилось в детстве рассматривать забавные флаконы и разглядывать их этикетки. Здесь мы покупали и карты для игр в часы досуга.

И, разумеется, нельзя обойти вниманием магазин «Детские товары» - тоже на улице Ленина. В нем для меня покупались тетради, общие и малые. А также ручки, карандаши, резинки, пеналы. И настольные игры, которые я особенно любил в детские годы. Нужно сказать, что именно в этом магазине мой двоюродным брат Саша приобрел (за целых 10 рублей!) замечательную игру «За рулем». К ней прилагался почти настоящий руль, которым можно было управлять маленькой

машинкой, движущейся по кругу и огибающей по чутким взглядом водителя те или иные препятствия на своем пути. Мне такую игру не купили, а Саша почти не позволял мне в нее играть. Было довольно-таки обидно. В основном я развлекался тем, что наблюдал, как Саша смело водит свою машинку по кругу, по крутящемуся колесу, приводимому в движение электрическим током.

Нельзя не вспомнить и магазин «Хлеб», в который иногда посылали меня – за хлебом. Сразу при входе в магазин меня обдавало прекрасным запахом свежее испеченного хлеба. От себя замечу, что такой вкусный хлеб, который выпекался в Таврическом, мне не приходилось пробовать никогда и нигде.

Был замечательный магазин «Техника». В нем я покупал ванночки, проявитель и закрепитель для фотографических работ. Кроме того, в витрине магазина стояли фотоаппараты, и притягивали мой взор. Впрочем, здесь же размещались и цены на них, которые скорее отпугивали, чем влекли.

Были и продуктовые магазины, разумеется. На улицах Ленина и Кирова. Здесь мне мама покупала мороженое (и ведь не боялся я тогда хронического тонзиллита и ангины!), здесь мы покупали рыбу двоя сортов (старая лингвистическая шутка), мясо, консервы, молоко, а также овощи – морковь, огурцы, помидоры.

В завершение этой главы, получившейся довольно-таки большой, необходимо вспомнить о стадионе в Тавричанке, который я с радостью и удовольствием посещал. Посещал я его по двум поводам – в дни, когда там проводилась ярмарка, и в дни, когда там проводились соревнования (например, «Королева спорта» - традиционный сельский праздник для Омской области).

На ярмарку я всегда отправлялся в приподнятом настроении. Посещение ярмарки с моими папой и мамой почти всегда означало, что мне купят чего-нибудь «вкусненького», - например, мороженое или газировку (тогда еще о картофельных чипсах слухом не слыхивали). Торговали, помню, с больших лотков, а иногда и просто с грузовиков, на которых или рядом с которыми располагались бойкие продавцы.

Любил я посещать стадион и в дни больших соревнований. Рядом с трибуной располагалось большое футбольное поле (правда, футбол на нем посмотреть мне так и не удалось) и легкоатлетические беговые дорожки. За бегом спортсменов я, случалось, наблюдал с полупустой

трибуны. Чуть поодаль от футбольного поля находилась волейбольная площадка. Помню, как мы с отцом наблюдали фрагмент матча между двумя командами уровня района. Меня удивила та ловкость и проворность, с которыми волейболисты прыгали за мячом. И ведь отбивали его, и ведь делали пасы. Их искусство казалось мне верхом хитроумия, а физическая подготовка вызывала неподдельную зависть. На этом, пожалуй, можно завершить рассказ о моей детской жизни в Тавричанке. Она была полна радостных мгновений, которые теперь так трудно воскресить в памяти. Именно в Тавричанке жили мои родственники, которые теперь находятся, видимо, в ином мире. И наблюдают, как мне думается, за нашей жизнью в мире этом, несовершенном и безупречном.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Работа над этим эссе, признаюсь, была мне в радость. Она отвлекала от суровых реалий сегодняшнего времени, воскрешала дорогие мне моменты прошлого. В памяти оживали образы людей, которые по тем или иным причинам ушли от нас в мир иной. Работа эта была мне отдыхом и отрадой. Теперь она подходит к своему завершению. Еще раз вспоминая книгу Бориса Аверина «Дар Мнемозины», констатирую, что мысль моя двигалась почти как у Набокова в его «Других берегах». Разница в том, что Набоков, в отличие от меня, помнил множество характерных для его жизни мелочей.

Впечатления детства у Набокова были ярки, они жили своей, особой жизнью. Признаю, что мои воспоминания получились несколько более бледными, чем у моего знаменитого предшественника. Однако тот, кто скажет, что они хуже, чем воспоминания того же Павла Флоренского, будет неправ.

Да, прошлое, в отличие от настоящего и будущего, неизменно и постоянно. В его милую гавань старался я убежать от действительности текущего (за границей сознания) дня. В прошлом были живы (и это не поддается сомнению) все любимые мною родственники, не было тех забот и хлопот, коими наградил меня сегодняшний день. В прошлом оживало спокойствие за завтрашний день, уверенность в том, что все будет правильно, и на этом построен мир (как сказал бы Михаил Булгаков в своем известном романе).

Я постарался описать все места, где мне довелось побывать в детстве

и молодости (кроме места своего постоянного проживания, пожалуй, описанного мною в очерке «Там, где вырос» (сборник «Рассказы о детстве»)). Это теперь я домосед (чему способствовало распространение невиданной прежде коронавирусной эпидемии), а в детстве и молодости любил путешествовать по просторам родной страны. Иногда меня заносило не очень далеко. Путешествия мои пролегли в основном в границах Омска и Омской области. В Омске это улицы Добролюбова и Лукашевича. В Омской области – это Таврическое, Красноярка, Чернолучье, Осташково и Сыропятка. Иногда путь мой пролегал на Восток – в Томск, но чаще на запад нашей страны – в Евпаторию, Полоцк и Москву.

Отдельная глава, как вы помните, была посвящена периоду моей учебы в Омском государственном педагогическом университете (улица Партизанская). Конечно, впечатления от нее были разные, но значительно больше было положительных, позитивных моментов в моей учебе в стенах этого вуза. Тем более, что именно в ОмГПУ я развернулся ну практически во всю ширь своего таланта сценариста и актера. Именно здесь, на филфаке мы ставили мои сценарии, которые, как правило, имели большой и несомненный успех (а начиналось все с КВНа в школе – гимназии номер 43, где мы с Сережей Ярковым поставили домашнее задание «Фокус-покус» - о вручении всенародной премии в области сходбищ и гульбищ, - еще тогда сильна была во мне тяга ко всему старославянскому).

Завершая эту небольшую книгу очерков, хочу выразить уверенность в том, что ее простое, безхитрое (как гаитянский сериал «Солнце не заслонишь ладонью», поставленный филологами нашей группы на 1-ом курсе) повествование не оставит Вас равнодушными. В своих комментариях вы можете выразить свои оценки, суждения о прочитанном. Пишите, но знайте, что данное произведение я писал на пределе откровения, искренности, надежды на прочувствованное его прочтение вами. И искал в какой-то мере читателя сопереживающего, сочувствующего мне. Нашел ли я его, - думаю, ответ на этот вопрос, вполне может быть положительным.

Часто на страницах книги появлялись мои родственники. Моя связь с ними, особенно в детские годы, была наиболее отчетливой. Я бережно храню крупички памяти о них, частички памяти о нашем ощем прошлом, - которое было так безоблачно, так беззаботно для меня. Наверное, потому, что в детстве обо мне и заботились они, мои мама и

папа, бабушки и дедушка, дяди. Теперь я живу почти обособленной жизнью и порой мне кажется, что связь с родственниками слабеет. Это неприятное чувство я старался компенсировать в данной книге, воссоздавая те моменты прошлого, когда мы были большой и дружной семьей.